

ОГОНЁК

№ 5 ЯНВАРЬ 1964

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Я говорю с тобой

Александр ПРОКОФЬЕВ

Я говорю с тобой, как с другом,
На времена, на времена.
Тебя пахала глубже плуга
Окрест лежавшая война.

Не тысячи, а миллионы
Здесь приняли кровавый бой.
Твои дома, как бастионы,
Стояли нá смерть над Невой.

Ты храбрым был на ратном поле,
Отважно бился с лютой тьмой,
И мир твою увидел волю,
Твое величье,
Город мой!

На 16-й странице этого номера вы прочтете о Федоре Трофимовиче Дьяченко — человеке, который сегодня живет на том месте, где двадцать лет назад держал оборону.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

42-й год издания

№ 5 (1910)

26 ЯНВАРЯ 1964

На первой странице обложки: Молодые, веселые люди, беспечно шагающие по Невскому проспекту. И старая надпись на стене, гласящая об опасности артобстрела...
Фото Н. Ананьева и Л. Бородулина.

НАВСТРЕЧУ ПЛЕНУМУ ЦК КПСС

Запорошило, занесло поля. Белым-бело кругом. Спит земля под снежным одеялом. И хлеборобу время бы отдохнуть. Нет, куда там!.. Отшумела одна страда, а другая уже не за горами — весна. Не простая она будет нынче и на воронежской земле и во всей нашей стране. Двинулась на поля работяга химия. Встречать ее надо с умом, подготовиться, чтобы ни одна капля ее чудесной силы не пропала даром. Чудеса сами собой не происходят. Чудеса делают люди, вооруженные знаниями. А с неучами химия обходится круто: вместо помощи может бедой обернуться.

...Ползут по заснеженным воронежским полям грузовики. В кузовах — мешки с удобрениями. Кругом ни души, белая пустыня. Тихо. Зато в Воронежском сельскохозяйственном институте и в Научно-исследовательском имени В. В. Докучаева многолюдно и шумно. Воронежские ученые призвали всех преподавателей и специалистов сельскохозяйственных учебных заведений включиться в социалистическое соревнование за проведение агрохимической подготовки работников и специалистов колхозов, совхозов и производственных управлений.

Институты сейчас напоминают штабы перед крупным наступлением. Судьба будущего урожая решается и здесь.

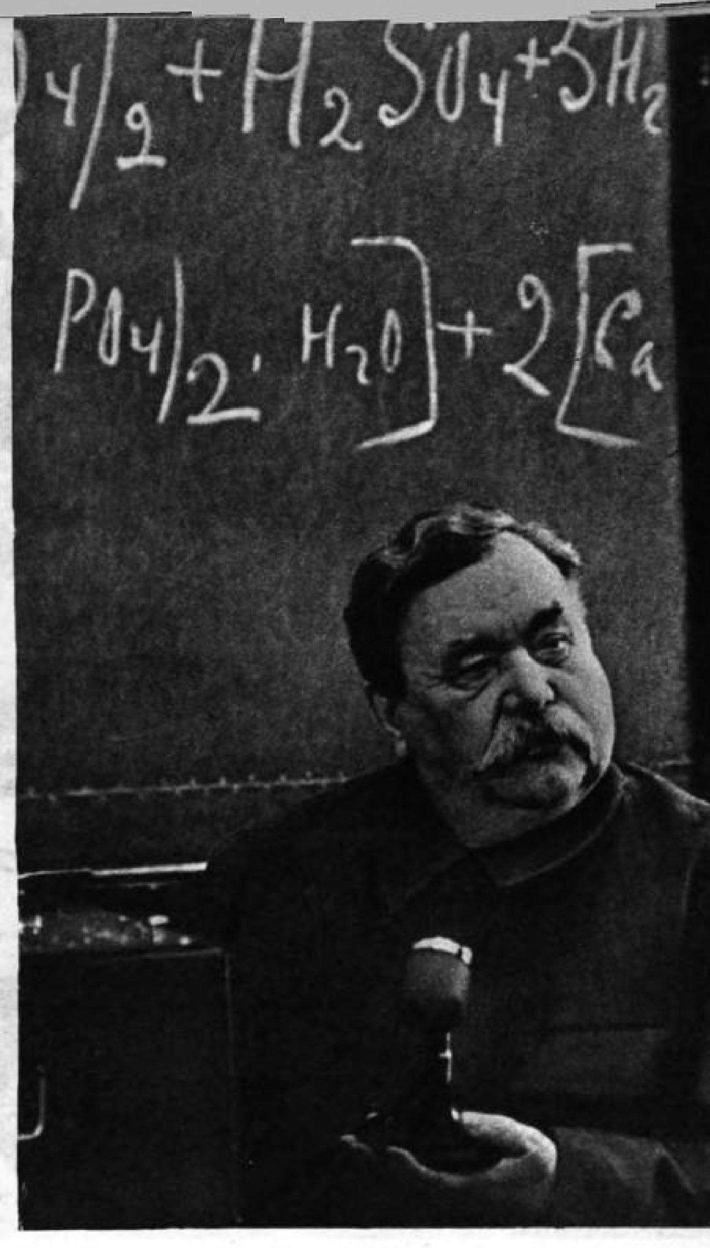
Студентам пришлось потесниться. Их полку прибыло. В аудиториях — председатели колхозов, директора совхозов, агрономы — студенты без студенческих билетов. А те, что с билетами, организовали лекторские группы и выезжают в колхозы. В научно-исследовательском институте тоже много посланцев деревень, а в селах консультации дают сотрудники института.

Командиры колхозов и совхозов на лекциях и семинарских занятиях углубленно изучают агрохимию. Они и раньше не были профанами в этой области, но сейчас другой размах, другие требования, выдвинутые декабрьским Пленумом ЦК КПСС.

Хлеборобы готовятся к наступлению...

Фото Д. УХТОМСКОГО.

ПЕРЕД НАСТУПЛЕНИЕМ

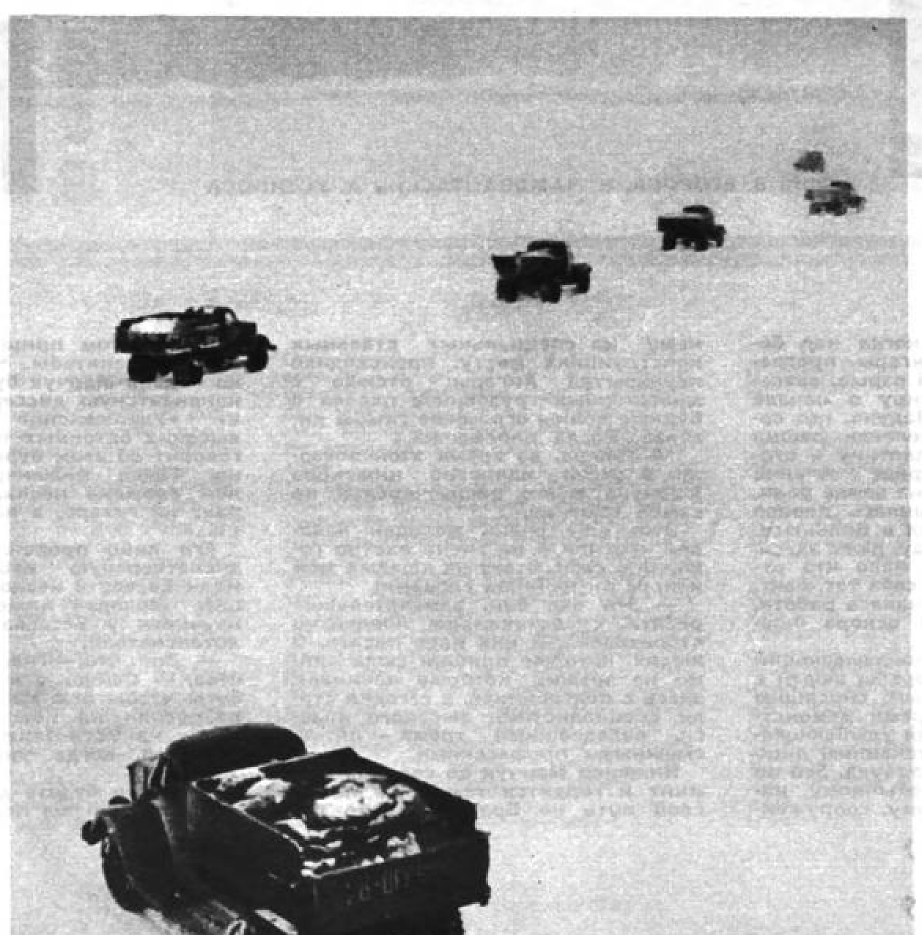

Воронежские ученые — непоседы, путешествуют часто. Теперь колесят по колхозным дорогам не только сами ученые, но и их лекции, записанные на магнитофонную пленку. Готовит очередную лекцию в путь профессор сельскохозяйственного института М. Е. Пронин.

Сколько вопросов задает химия! И не всегда можно ждать, пока придет ответ из института. Агроном должен сам проводить простейшие анализы. Руководитель отдела агрохимии института имени В. В. Докучаева кандидат наук А. Е. Пшеничный сделал портативную лабораторию — она умещается в чемодане. Агрономам и председателям колхозов такая новинка явно по душе.

Химия выходит на большие рубежи. «Пассажиры» этих грузовиков — удобрения.

Из колхозов в научно-исследовательский институт приходят посылки. В них — образцы кормов. «Просим определить химический состав...» Это очень волнует зоотехников. Младший научный сотрудник Т. В. Редькина готовит ответ одному такому корреспонденту.

В Воронежском сельскохозяйственном институте за студенческими столами — главные агрономы производственных управлений. Идет занятие семинара по агрохимии.

Калининцы приветствуют дорогих гостей.

Герой Кубы и герои космоса.

ВИВА КУ

Фото В. ЕГОРОВА, Н. ЧАМОВА (ТАСС) и А. УСТИНОВА

ТАМ, ГДЕ ТЕЧЕТ АНГАРА...

Михаил ГАРДОВСКИЙ, польский журналист

В то время, когда над берегами Ангары прогремел первый взрыв, возвестивший миру о начале битвы на Падуне, где советский человек решил поставить мощную плотину и вторично покорить бурное течение этой самой быстрой на земле реки, когда в воду обрушилась первая лавина камней, я был в Вильнюсе. В то время, в 1955 году, даже здесь, в Советском Союзе, мало кто отчетливо представлял себе тот факт, что в дикой тайге началась работа, результаты которой вскоре ошеломят весь мир.

Я видел фильм, показывающий последние минуты борьбы людей с Ангарой, с ее мощным, сносящим все течением. Во время демонстрации фильма я видел улыбающееся (а позже сосредоточенное) лицо инженера Алексея Марчука. Это по его проекту, не по обычному, наплавному, а по особому, сооруженному на специальных стальных конструкциях мосту, происходило перекрытие Ангары: отсюда с многотонных грузовиков падали в бурные волны огромные глыбы диабаза. Росла перемычка...

А теперь, во время этой поездки, я сидел напротив инженера Марчука в его диспетчерской на самой плотине.

Этот еще очень молодой человек краснел и не очень охотно говорил о себе. Ответ на каждый мой вопрос он начинал словами:

— Это все они, замечательные ребята, сработавшийся коллектив строителей... О них надо писать. О людях, которые пришли сюда прямо из армии, которые начинали здесь с подсобников, а сегодня стали специалистами высокого класса, овладевшими тремя — пятью смежными профессиями.

Инженер Марчук до сего дня помнит и гордится тем, что начал свой путь на Братскгэсстрое рабочим. Потом пришло время учебы и... женитьбы. Через несколько недель Марчук будет защищать кандидатскую диссертацию по теме «Удешевление строительства высоких бетонных плотин». Но он говорит об этом отрывочно, скромно. Таков инженер Марчук. О нем сложена песня: «Марчук играет на гитаре, а подпевает Ангара...»

Его лицо проясняется, когда в диспетчерскую входят бригадир Иван Евсеев и несколько его хлопцев. Молодой инженер многому научился у Евсеева, бывшего золотоискателя.

— Вот что,— говорит Иван Евсеев. — Сейчас у нас большая забота: чтобы всю нашу бригаду перебросили на новое строительство — на Усть-Илимскую ГЭС. Разумеется, когда закончим работу здесь...

— А что будете делать с домиком, который вы построили здесь,

«Вива Куба!», «Да здравствует советско-кубинская дружба!» Эти слова раздавались и в цехе Калининского камвольного комбината, и в Подмосковье, и на улицах нашей столицы, и в Киеве — всюду, где советские люди встречались в эти дни с дорогим гостем — Первым секретарем Национального руководства Единой партии социалистической революции, Премьер-Министром Революционного правительства Республики Куба товарищем Фиделем Кастро.

Приветствуя вождя кубинской революции, советский народ еще раз подтвердил свою верность нерушимой дружбе, связывающей обе страны.

«Наша партия — за нерушимую дружбу с кубинским народом. Народ и партия, партия и народ — это одно и то же,— сказал товарищ Н. С. Хрущев, выступая на митинге в Калинине.— Мы с вами вместе сегодня, мы с вами будем вместе и завтра. Мы с вами будем вместе, если враги захотят испытать это слово — «вместе».

Н. С. Хрущев выступает на митинге в цехе Калининского камвольного комбината.

Во время поездки на конный завод № 1 Фиделю Кастро пришлось позировать перед объективом маленького фотолюбителя.

Встреча товарища Долорес Ибаррури с товарищем Фиделем Кастро и сопровождающими его лицами.

Б А!

в Братске? — спрашиваю я одного из членов бригады, Анатолия Колбасу.

— Ха! Дом никого из нас не держит. Чтобы жить по-новому, человек должен создавать нечто более ценное, чем своя хата. Этому научила нас здешняя стройка... Она учит не размениваться по мелочам! А если надо, то я и там построю себе домик.

Бригада Ивана Евсеева состоит из 85 человек. Она завоевала почетное и высокое звание бригады коммунистического труда. За что они его получили? Хлопцы сконфуженно переглядываются. Они выглядят сейчас как малые ребята, пойманные врасплох.

— Ну, выполняли мы план... — тихо говорит один из них.

— Почти все учились, — добавляет еще кто-то.

— Словом, работали, как положено, — обобщает Евсеев.

Эти короткие, как бы мимоходом сказанные слова таят в себе очень многое. Ведь почти все члены бригады закончили здесь, в Братске, среднюю школу. Каждый из них является отличным мастером по крайней мере трех специальностей.

Сегодня мощная 127-метровая плотина преграждает русло великой сибирской реки. О ее красоте написана не одна статья. Но сейчас на ней рядом с возведенной руками таких героев, как Иван Евсеев, плотиной бьются могучие сердца восемнадцати генераторов по 225 000 киловатт каждый. Эту электростанцию, словно кровеносными сосудами, связывают в один организм со всей Сибирью самые мощные, высоковольтные линии передач. Этот ангарский гигант — достойное творение людей, которые создали его здесь, в некогда непроходимой сибирской тайге!

Москва — Братск — Москва.

ПЕРВАЯ ЛАСТОЧКА

В канун олимпийских стартов сильнейшие скороходы Европы разыграли свой чемпионат на стадионе «Бишлет» в Осло. Большой победы добился на норвежском льду молодой спортсмен, таллинский студент Антс Антсон. Он завоевал золотую медаль. Ученик заслуженного мастера спорта Бориса Шилкова, Антсон показал второе время в беге на 500 метров и установил мировое достижение для равнинных катков на дистанции 1 500 метров — 2 минуты 9,8 секунды. Он хорошо прошел также и две остальные дистанции ледового многоборья: 5 000 и 10 000 метров. И вот его итог: 180,842 очка — рекордная сумма для чемпионатов Европы.

Серебряную медаль получил также советский спортсмен Юрий Юмашев.

Из Осло скороходы СССР направились в Инсбрук; впереди борьба за золотые медали Белой олимпиады.

Фото Б. Светланова.

«ПОБЕДА ИЛИ СМЕРТЬ!»

Редкое счастье — оказаться на одной фотографии с В. И. Лениным. Такое счастье выпало мне, когда я был семилетним мальчиком. Это случилось в ноябре 1918 года. Утром седьмого ноября отец, уже одетый в военную бекешу и фуражку, позвал меня:

— .Ну-ка, теплее одевайся. Да побыстрее! Пойдем на Красную площадь.

В старенькой шубенке, укутанный в башлык, я важно шагал рядом с отцом.

На Красной площади, разукрашенной флагами, собрался митинг. Отца, как члена реввоенсовета республики, пропустили вперед, к высокой деревянной трибуне с крутой лесенкой.

— Кто будет держать речь? — спросил по-взрослому я.

— Ленин,— ответил отец.— Вот он идет.

Владимир Ильич прошел совсем близко от нас. Его узнали, и все захлопали.

Ленин быстро поднялся на трибуну. Нетерпеливым жестом попросил прекратить приветствия и начал речь. Он говорил о павших борцах революции. В этот день на Кремлевской стене открывалась мемориальная доска. Ильич говорил как всегда, горячо, страстно. Он старался, чтобы его слышали все. Удивительно тихо стояли люди на площади, они как бы замерли.

Выступление Владимира Ильича на Красной площади заснял фотограф. В первом ряду слушателей стоит мой отец, а рядом с ним — я. Этот снимок теперь хранится в музее Ленина.

Вспомнил я об этой ленинской речи и спустя 43 года на Кубе — острове Свободы, где часто раздается пламенный призыв «Родина или смерть!». В библиотеке посольства я взял том Ленина и прочитал кубинским друзьям услышанную в детстве речь Ильича.

«Товарищи! — говорил Владимир Ильич.— Почтим же память октябрьских борцов тем, что перед их памятником дадим себе клятву идти по их следам, подражать их бесстрашию, героизму. Пусть их лозунг станет лозунгом нашим, лозунгом восставших рабочих всех стран. Этот лозунг — «победа или смерть».

Как только переводчик произнес последние слова Ильича, на какое-то мгновение слушатели словно оцепенели. А потом... Мне трудно передать тот накал человеческих эмоций, когда мы все вместе скандировали:

— Победа или смерть!

— Родина или смерть!

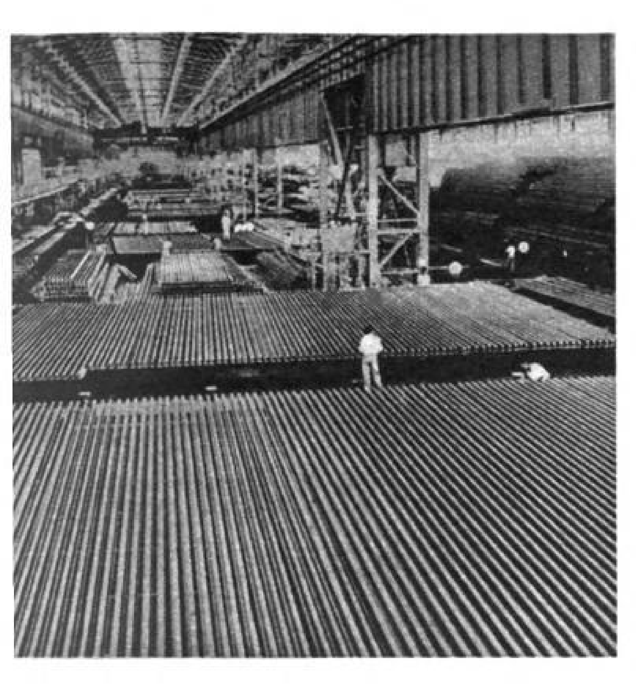
— Вива Ленин!.. Фидель, Хрущев, мы всегда вместе!

— Мы победим!..

Если бы был жив Ильич, как бы он радовался революции на Кубе!

Л. ПОДВОЙСКИЯ,
инженер

ИНДИЯ ПРАЗДНУЕТ

Каждый год 26 января в города и селения Индии приходит праздник. Четырнадцать лет назад индийский народ провозгласил свою страну республикой. Индия прочно встала на путь независимого развития. Сейчас она трудится над выполненнем третьего пятилетнего плана экономического развития. В экзотический пейзаж все чаще вписываются корпуса новых промышленных предприятий, буровые вышки, дома современной постройки. Индия считает индустриализацию важным средством национального возрождения.

Занятый строительством новой жизни, индийский народ выступает за укрепление мира, за развитне сотрудничества между всеми странами. Верных друзей Республика Индия нашла в социалистическом мире. Социалистические страны помогают ей развивать промышленность, осваивать богатства недр, воспитывать кадры специалистов.

Хорошие, дружеские отношения сложились между Советским Союзом и Индией. Мы радуемся успехам индийского народа. В борьбе за прочный мир на земле Индия — надежный союзник миролюбивых народов.

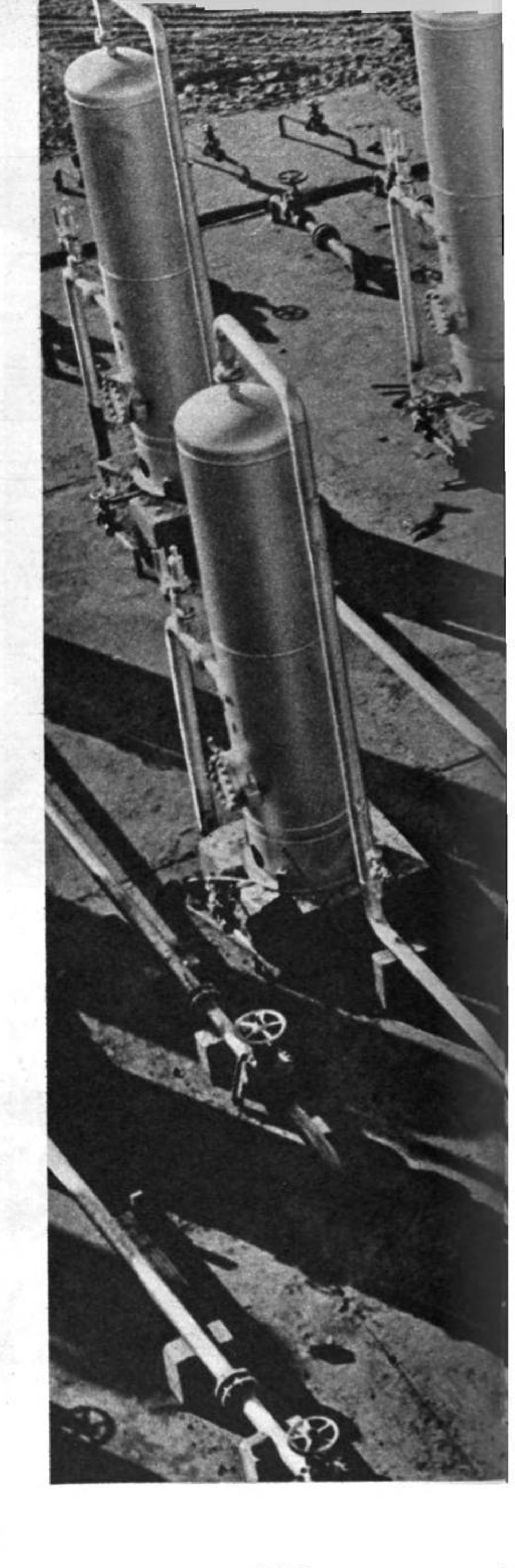
Индия продолжает идти вперед. У нее еще много дел и забот. Свершения народа рождаются в борьбе нового, прогрессивногб с реакционными силами, которые стремятся задержать продвижение страны по пути прогресса. Праздник 26 января — это праздник тех, кто хочет видеть Индию счастливой и процветающей.

Металлургический комбинат в Бхилаи называют символом индийско-советской дружбы. Комбинат продолжает расти; сейчас сооружается вторая очередь. На снимке: рельсы и балки — продукция комбината.

Делийский университет готовит специалистов, которые нужны стране.

Фото И. Кравченкова (АПН) и Ю. Яснева.

Газопровод Бухара — Урал. Головные сооружения в Газли. Первый сборный пункт.

В кабинете заместителя председателя Государственного комитета по газовой промышленности СССР Ю. И. Боксермана висит большая карта страны. На ней нанесены газовые месторождения, существующие, строящиеся и проектируемые газопроводы. Те, что уже построены,— сплошной линией, а те, что сооружаются и проектируются,— пунктиром и точками.

На карте выделяется извилистая линия от Бухары к Уралу. Она проходит через пустыни Кызыл-Кум и Каракум, пересекает каменистое плато Устюрт на западном берегу Аральского моря, идет по безбрежным просторам Казахстана и Приаралья.

Самый мощный в мире газопровод вступил в строй, и потекли на Урал первые сотни миллионов кубометров газа.

— Работа этого газопровода,— рассказывает Ю. И. Боксерман,— даст стране огромную экономию. Можно привести некоторые цифры: уже в 1966 году газ заменит более 15 миллионов тонн угля, 3 миллиона тонн кокса и почти 2 миллиона малосернистого мазута, потребляемых промышленным Уралом.

К этому надо добавить экономию средств на транспорте. Кроме того, высокая производительность труда при добыче газа и его подаче требует значительно меньше рабочих.

Я интересуюсь, куда дальше пойдет газопровод.

— Из Челябинска в Свердловск и Нижний Тагил. А из месторождений Тюменской области строится новый газопровод на Северный Урал. Таким образом, промышленный Урал будет снабжаться газом по единой системе трубопроводов, идущих с юга, из Бухары, и с севера, из Тюменской области.

— А что сейчас происходит на газопроводе?

— Это узнать нетрудно,— следует ответ, и меня соединяют с диспетчерской службой газопровода Бухара — Урал в Свердловске. У телефона — старший диспетчер Ю. А. Визляков.

— Здравствуйте, Юрий Аристархович! Как сейчас работает газопровод?

— Нормально. В Газли давление — 55 атмосфер. На газопроводе работают компрессорные станции № 4 и № 14, нагнетающие газ. Главные потребители его: Магнитогорск — 3 600 тысяч кубометров газа в сутки, и Челябинск — 2 миллиона кубометров.

А. ГОЛИКОВ

Фото Г. КОПОСОВА.

Писатели в блокадном Ленинграде: А. Прокофьев, В. Лихарев, А. Фадеев, Н. Тихонов, В. Саянов.

Фото Н. Хандогина.

Из блокадных времен

20 лет

Ник. ТИХОНОВ

Блокадные времена — это небывалые времена. Можно уходить в них, как в нескончаемый лабиринт таких ощущений и переживаний, которые сегодня кажутся сном или игрой воображения. Тогда это было жизнью, из этого состояли дни и ночи.

Война разразилась внезапно, и все мирное пропало как-то сразу. Очень быстро гром и огонь сражений приблизились к городу. Резкое изменение обстановки переиначило все понятия и привычки.

Трамвайный вагоновожатый, ведя из Стрельны трамвай, взглянул направо и увидел, как по шоссе, которое шло рядом с ним, его догоняют танки с черными крестами. Он остановил вагон и вместе с пассажирами по канаве начал пробираться через огороды в город.

Непонятные жителям звуки раздались однажды в разных частях города. Это рвались первые снаряды. Потом к ним привыкли, они вошли в быт города, но в те первые дни они производили впечатление нереальности. Ленинград обстреливали из полевых орудий. Было ли когда что-нибудь подобное? За всю с лишком двухвековую историю города — никогда.

Странно было подумать, что в местах, где гуляли в выходные дни, где купались, на пляжах и в парках идут кровопролитные бои, что в залах, например, дворца в Петергофе дерутся врукопашную и гранаты рвутся среди бархата, старинной мебели, фарфора, хрусталя, ковров и книг, в шкафах красного дерева, на мраморных лестницах, что снаряды валят клены и липы в священных для русской поэзии аллеях Пушкина, а в Павловске эсэсовцы вешают советских людей.

Но над всей трагической неразберихой грозных дней, над потерями и известиями о гибели и разрушениях, над тревогами и заботами, охватившими великий город, все же господствовал гордый дух сопротивления, ненависти к врагу, готовности сражаться на улицах и в домах до последнего патрона, до последней капли крови.

...Человек шел глухой зимней ночью по бесконечной пустыне. Все вокруг было погружено в холод, безмолвие, мрак. Человек устал, он брел, вглядываясь в темное пространство, дышавшее на него с такой ледяной свирепостью, точно оно задалось целью остановить его, уничтожить.

Человек был в шинели, в шапке-ушанке. Снег лежал на плечах. Ноги плохо повиновались ему. Тяжелые думы одолевали.

Не было ни домов, ни людей. Не было иных звуков, кроме тяжелых порывов ветра. Шаги тонули в глубоком снегу и заглушались непрерывным свистом ветра, переходившим в рыдания и вой. Человек тащился по снегу и, чтобы подбадривать себя, давал волю воображению.

Он сам себе рассказывал необычные истории. То ему казалось, что он полярник, идущий на помощь товарищам в необъятных просторах Арктики, и где-то впереди бегут собаки, и сани везут продукты и топливо, то он внушал себе, что он участник геологической экспедиции, которая должна пробиться сквозь ночь и холод к своей цели...

Во всем этом он находил силы, подбадривался и двигался, смахивая с ресниц мокрый снег.

Полностью статья публикуется в № 1 журнала «Звезда» за 1964 год.

В дни торжеств и бед

Из архива военного фотокорреспондента Д. ТРАХТЕНБЕРГА.

В перерыве между рассказами он вспоминал виденное днем, но это уже не было плодом его воображения. На мосту у Летнего сада, захлебываясь кашлем, стоя, как римлянин, умирал какой-то древний на вид старик, но он мог быть и человеком средних лет — просто над ним поработала рука такого скульптора, как голод. Около него суетились такие же изможденные создания, которые не знали, что с ним делать.

...Прохожий начал рассказывать себе новый рассказ. Надо выдумывать поинтереснее, иначе идти все труднее и труднее.

...Он свернул вправо. Деревья пропали. Пустое пространство перед идущим выбросило из тьмы человека, который брел, как и он, спотыкаясь и часто останавливаясь, чтобы перевести дух.

Может быть, это просто усталость играет шутки? Раздражение глаз? Кто может в такой час ходить по городу? Прохожий медленно приближался к идущему впереди.

Нет, это не призрак из исчезнувшего города. Это шел человек, который нес на плече что-то маячившее белыми блестками. Прохожий никак не мог понять, что это блестит на спине. Он приблизился, употребив большое усилие.

Теперь он видел, что человек несет мешок, плотный, белый, с блестками, потому что это мешок из-под известки. Но что в нем? Он мог уже хорошо видеть мешок. Несомненно, в нем лежало человеческое тело. По-видимому, это была женщина. Он нес мертвую женщину, и при каждом его шаге ее тело в мешке как будто вздрагивало. А может, это была маленькая девочка, его дочка?

Прохожий остановился перевести дыхание. Остановить того, несшего мешок? Зачем? Что скажут друг другу два полумертвых человека рядом с мертвецом? И не такое увидишь нынче...

Призрачность и неправдоподобность окружающего были налицо. «Неужели вот так все и кончится?» — проходило в сознании. Никогда не будет больше света и тепла, а там, в домах, не останется никого, кроме неподвижно сидящих и лежащих в мертвых, темных стенах...

«Нет! — воскликнул он мысленно, как будто обращаясь к тому, кто прошел только что с мешком.— Я знаю еще одну историю. В ней много занимательного, она кончается хорошо, хотя и похожа на сказку. Она мне поможет, я начинаю...»

И он опять начал на ходу рассказывать, но чувствовал, что ему не хватает сил, потому что эта история — сказка, а на свете сейчас не до сказок. Его должна была спасти не сказка, а реальность.

Он шел, спотыкаясь, из последних сил. Дома вокруг были похожи на груды пепла. Они могли упасть и рассыпаться так, как сказка, которую он бросил рассказывать на середине...

В домах, однако, было что-то знакомое. Прохожий инстинктивно остановился и взялся за висевший на груди фонарик. Яркий луч вырвал из темноты стену, всю в морозных узорах, плакат, изображавший страшную фашистскую гориллу, шагающую по трупам на фоне пожаров...

Прохожий вздохнул, как будто проснулся. Мучительный бред мрака кончился. Плакат возвращал к жизни. Он был реальностью. Человек спокойно посмотрел вверх. Он узнал дом, свой дом! Он дошел!

Этим человеком был я...

Были прожиты небывало трудные месяцы. Ленинград превратился в неприступную крепость. Ко всему необычному привыкли. Ленинградцы, как настоящие советские люди, оказались, разрушив все ожидания врагов, невероятно выносливыми, невероятно гордыми и сильными духом. Жить им было безмерно тяжело, но они видели, что иной жизни нет и не будет, пока не будет поражен залегший у стен Ленинграда фашистский дракон. Непрерывная битва стала законом нашей жизни.

...Маленький катер казался мне самолетом, так лихо он летел — именно летел, а не шел — по заливу. Волны сливались в темно-серую дорожку, напоминавшую взлетную.

За пенными бурунами, рассыпающимися за нашей кормой, изредка вспыхивало что-то оранжевое, особый звук рождался в воздухе, сразу пропадая в гуле мотора.

Командир наклонился к моему уху и закричал, как в трубу:

— Немецкие снаряды!

Он повторил фразу. Тут я сообразил, что нас просто обстреливают с петергофских батарей, но попасть в нас не так-то легко. Снаряды рвались по сторонам.

Вероятно, от Кронштадта до Приморской оперативной группы мы прошли за несколько минут, а может, это мне показалось с непривычки. Берег появился как-то сразу и вырос, такой знакомый с юности, как будто мы приехали в выходной день погулять в зеленом Ораниенбауме. Но это мимоходное ощущение сразу исчезло, как только я взглянул в сторону.

В небольшой бухте передо мной стоял корабль, который я узнал бы среди всех кораблей мира, потому что он был единственный в истории корабль.

Сейчас он стоял, чуть накренившись, на мелкой воде; над его мачтами проходили, цепляясь за ванты, большие обрывки густой дымовой завесы; из его труб не шел дым; его пушки молчали, а может, их уже и не было на нем, но весь его вид был боевой и упрямый. Вокруг него, и на море и на берегу, рвались вражеские снаряды. Поднятые ими фонтаны воды падали на его палубу.

И он как будто принимал участие в бою, готовый сражаться до последнего выстрела. Я никак не ожидал увидеть его в этой обстановке.

— Это «Аврора»? — спросил я.

— Она самая! — ответили мне.

Корабль, давший сигнал к началу решающего боя революции, флагман Великого Октября, символ пролетарской победы — в бою с самым смертельным врагом человечества! Может быть, его экипаж ушел на берег, чтобы принять участие вместе с пехотой и артиллерией в сражении, как в те дни, когда десант с «Авроры» шел вместе с рабочими и солдатами на штурм Зимнего?

И когда я сегодня смотрю на «Аврору» на Неве, на вечном якоре, я вспоминаю тот далекий

народных

Есть в моем архиве негативы, которые я не могу перебирать без волнения. Каждый из этих крошечных кадров связан с незабываемыми днями блокады Ленинграда.

Передний край Ленинградского фронта — Пулковская высота с руинами всемирно известной обсерватории, разрушенной гитлеровцами. Рядом — группа разведчиков, уходящих на поиск. Эти кадры сняты в 1942 году.

А вот так выглядит столица советских астрономов в наши дни.

Особенно дороги мне снимки, на которых запечатлены судьбы людей, вынесших на себе всю тяжесть осады.

В один из летних дней 1943 года я шел на фронт по заданию редакции. На Обводном канале меня застал очередной артиллерийский обстрел. Когда рассеялся дым разрывов, я набрел на эту разрушенную квартиру и сфотографировал на руинах их жилища Анисью Матвеевну Амелькину и ее дочь Валю.

На днях мы встретились снова в «той же» квартире. Жива и здорова Анисья Матвеевна. Стала матерью Валентина Ивановна. Сын ее Вячеслав окончил десятилетку и работает токарем на заводе «Строймаш».

Еще одна судьба. Эту девочку-пионерку Таню Бирштейн я снял в 1942 году в госпитале у койки раненого. Дети как могли помогали взрослым.

Случай помог мне отыскать Танины следы. Теперь она уже не Таня, а Татьяна Максимовна, кандидат физико-математических наук, сотрудник Научно-исследовательского института высокомолекулярных соединений Академии наук СССР.

Пусть никогда не доведется ее Леночке и Саше испытать то, что выпало на долю их матери.

Пока девочки помогали раненым, мальчики трудились на заводах. Макар Ильичев ремонтировал пулеметы на заводе полиграфических машин.

А сейчас он известный на заводе слесарь.

фронтовой день и корабль в клочьях дымовой завесы, в огне разрывов.

...Сейчас советские люди с радостью жертвуют на создание памятника, который будет называться «Подвигу твоему, Ленинград!».

Я не знаю, как предполагают скульпторы отразить в этом выдающемся своем творении образы героических защитников города Ленина, но я не могу не вспомнить многих лиц, оставшихся в памяти,— лиц примечательных, имевших свои особенности, свои неповторимые черты.

Я беру наугад фотографии осадных дней. Старые и молодые защитники города, женщины и мужчины, дети, старики — все знакомые и близкие. Какое разнообразие лиц, как необычны они, и далеки, и рядом вместе с тем!..

Вот гвардейская санитарка. Обветренное, крепкое, закаленное в огне, словно высеченное из гранита лицо. Чуть прищуренные глаза говорят о неустрашимости, о хладнокровии и о глубокой думе. Так она смотрит, когда соображает, как лучше пробраться к раненому, лежащему под сильным обстрелом, а при случае и постоять за себя в смертельной схватке, так она смотрит на вражеский берег, откуда надо во что бы то ни стало эвакуировать раненых.

...Учительница, старый педагог, депутат райсовета, проверяющая школьные тетради. Седые волосы, лицо ее как будто обожжено печалью. Но оно доброе, и глаза, которые разучились смеяться, полны какого-то душевного волнения. Этот человек умеет понимать своих учеников, недаром она в самые тяжелые дни не прерывала уроков, и глубокая складка у рта — память о перенесенном.

Высоко над улицей, на крыше, стоит, как часовой, перед лицом неба девушка из команды МПВО. Она в ватнике и в зимней шапке, но она может там стоять и летом и осенью: это ее пост, так она стояла годами.

Школьницы с настороженными лицами, сидящие за партами. У них недетское выражение глаз: они слишком много видели такого, чего не нужно видеть детям,— ужасов и крови, но что им делать, если они знают, что по ним стреляют, когда они идут в школу, и тяжелыми снарядами стараются попасть в здание школы, когда они на уроках. Они выходят из школы, видят развалины большого дома и огромный плакат, на котором женщина с безумным взглядом несет маленькую мертвую девочку. Над плакатом надпись: «Смерть детоубийцам!»

Но они упорно ежедневно возвращаются, садятся за парты и открывают учебники, потому что с ними педагоги, могу сказать, не боясь старого слова,— люди святого подвига.

И вот портрет мстителя. Это снайпер — человек, пришедший с Дальнего Севера. Он охотник такой, что бьет белку в глаз дробинкой. Он может попасть в щель танка, ослепить водителя на ходу. Он может выследить врага, как бы тот ни маскировался. Он один из многих снайперов.

Моряк, Герой Советского Союза. Командир подводной лодки, прорвавшейся сквозь смертельные преграды и ловушки на простор открытого моря, чтобы наносить удары на морских далеких путях.

Кто же снабжает воинов суши и моря снарядами, бомбами, торпедами? Старый рабочий, который должен был бы отдыхать от трудов праведных. Проработав сорок лет на заводе, он снова трудится. В замасленном ватнике, в старой теплой шапке, в очках, спустившихся на кончик носа, с седой бородкой и подстриженными усами, готовит он «подарки» для врагов Ленинграда.

Я могу долго смотреть на эту фотографию, потому что она выразительна и правдива без прикрас. Кроме того, он напоминает мне старого питерского его собрата, ленинградского матроса. Он, переживший все ужасы жестокой зимы, варварство бомбардировок, испытавший смертельную усталость от непосильных трудов, признался мне, что на него раз напала большая тоска.

Тогда он поставил перед собой фотографию своей покойной жены, суровой, строгой и справедливой ленинградской женщины, и написал ей письмо, взволнованное, полное человеческой страсти, прося ее помочь ему, как она помогала всю трудовую жизнь. Разговор его с карточкой жены, перед которой он прочел письмо вслух, воспоминания, раздумье — все это вернуло ему крепость воли. Он пришел на свое рабочее место сильным, успокоенным человеком. Я писал об этом во время блокады.

Беру фото, на котором женщина сортирует снаряды, смотря на них слегка затуманенным взглядом. Она знает, что они несут смерть фашистам, и поэтому-то она так тщательно проверяет их. Это ее месть за мужа, погибшего в бою.

Я вижу на фото двух деятельных, опытных работниц, одна из которых проверяет автомат, другая налаживает диск. Тонкие косички спускаются по худым плечам. Им вместе нет и тридцати лет. Теперь они выросли, я не знаю их жизни, но они, верно, вспоминают то далекое время, когда через их ловкие маленькие руки проходило смертоносное оружие.

А лицо работницы с хлебозавода! Прошли страшные дни, когда на улицах падали голодные люди. И все равно хлеб остался для ленинградца не просто обыкновенным продуктом. Он тоже символ испытаний и общих бедствий, пережитых великим коллективом жителей города. И лицо у женщины, несущей сразу шесть готовых караваев, исполнено сознания высокого долга, гордости за сделанную работу, удовлетворенности, что можно снова отрезать хороший ломоть, а не жалкую порцию, чтобы к рабочему человеку вернулась сила. На лице этой работницы написана целая история перенесенных мучений, но есть и скрытая радость в ее широко открытых глазах.

Сколько этих лиц солдат, доноров, рабочих, матросов, командиров!

Когда смотришь фильм «Русское чудо» Торндайков, то видишь огромную галерею — лица тружеников, создававших Советское государство.

Когда я вспоминаю ленинградцев — защитников города, я тоже вижу неисчислимые лица людей, не жалея сил, отдававших себя делу защиты города Ленина.

Неполон будет памятник славы Ленинграда, если как-то не будут отражены в нем на память грядущим поколениям правдивые облики ленинградцев, участников девятисотдневного сражения.

Помимо неустанного труда в окопах, на кораблях, на батареях, в небе, на земле, на воде и под водою, на заводах и фабриках, в домах и на полях,— всюду люди города-фронта показывали еще искусство воевать, поражать противника самыми новыми приемами, самыми удивительными неожиданностями.

Это искусство войны помогло разгромить фашистов под Ленинградом в январе 1944 года.

...Однажды, уже после окончания войны, были мы с Виссарионом Саяновым у маршала Говорова. Леонид Александрович, как известно, вступил в командование войсками Ленинградского фронта, будучи генерал-лейтенантом артиллерии, в 1942 году.

Его замечательному таланту многим обязан город Ленина, по-

Среди защитников Ленинграда особым уважением пользовались подрывники — люди, которые обезвреживали невзорвавшиеся бомбы и снаряды. Начальника подрывной службы МПВО Московского района Александра Федоровича Литвинова (слева) я снял в 1942 году за обычным в ту пору для него делом.

И снова предстал он перед объективом моего фотоаппарата недавно — в своем кабинете начальника управления Ленвзрывпрома. Рядом с ним — начальник производственно-технического отдела Ленвзрывпрома Анна Николаевна Ковалева. Она тоже была командиром подрывного взвода в блокадном Ленинграде.

Сейчас у взрывников другие заботы. Они досрочно выполнили буро-взрывные работы, связанные с рудником комбината «Фосфорит» в Кингисеппе.

И еще один, пожалуй, самый дорогой моему сердцу снимок тех лет. Только что был дан салют — блокада снята, Ленинград сердечно приветствует солдат-освободителей.

И. Серебряный (Ленинград). КОНЦЕРТ В ЛЕНИНГРАДСКОЙ ФИЛАРМОНИИ—1942 год.

Кукрыниксы (М. Куприянов, П. Крылов, Н. Соколов). ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД.

Международный проспект

Ольга БЕРГГОЛЬЦ

Есть на земле Московская застава.
Ее от скучной площади Сенной
проспект пересекает, прям, как слава,
и каменист, как всякий путь земной.

Он столь широк,
он полн такой природной,
негородской свободою пути,
что назван в Октябре Международным:
здесь можно целым нациям пройти.
«И нет сомненья, что единым шагом,
с единым сердцем, под единым флагом
по этой жесткой светлой мостовой
сойдемся мы на Праздник мировой...»

Так верила, так пела, так взывала
эпоха наша, вся — девятый вал,
так улицы свои именовала
под буйный марш «Интернационала»...
...Так бог когда-то мир именовал.

А для меня ты юность и тревога,
Международный, вечная мечта,
моей тягчайшей зрелости дорога
и старости грядущей красота.
Здесь на моих глазах росли массивы
большого Ленинграда.
Он мужал,
воистину большой, совсем красивый,
уже огни по окнам зажигал!
А мы в ряды́ сажали тополя,
люд комсомольский,
дерзкий и голодный.

Как хорошела пустырей земля!
Как плечи расправлял Международный!

Он воплощал все зримей нашу веру...
И вдруг с размаху сорок первый год,
и каждый дом уже не дом, а дот,
и фронт — Международный в сорок первом.

И снова мы пришли сюда... Иная
была работа: мы здесь рыли рвы
и трепетали за судьбу Москвы,
о собственных терзаньях забывая.

...Но этот свист, ночной сирены стоны
и воздух, пойманный горящим ртом...
Как хру́пки ленинградские колонны!
Мы до сих пор не ведали о том.

...В ту зиму по фронтам меня носило —
по улицам, где не видать ни зги.
Но мне фонарь дала «Электросила»,
а на «Победе» сшили сапоги.
(Фонарь, пожалуй, громко, так, фонарик:
в моей ладони умещался весь,
жужжал, как мирною весной комарик,
и лучик слал все тьме наперерез.)
А в госпиталях, где стихи читала
я с горсткою поэтов и чтецов,
овацией безмолвной нам бывало
по малой дольке хлеба от бойцов...

О да, не будет встреч подобных снова!
Но пусть на нашей певческой земле
да будет хлеб, как Творчество и Слово,
и слово наше — как в блокаду хлеб.

Я вновь и вновь твоей святой гордыне
кладу торжественный земной поклон,
непревзойденный в подвиге доныне
и видный миру с четырех сторон.
Пришла Победа...
И ее солдат,
ее правофланговый — Ленинград,
он возрождает свой Международный
трудом всеобщим,
тяжким,
благородным.
И на земле ничейной... Да, ничья!
Ни звéрья, и ни птичья, не моя,
и не полынная, и не ржаная,
и все-таки моя, одна, родная;
там, где мы в младости сажали тополя,
где нет земли: из ржавчины земля,—
там, где мы недостроили когда-то,
где, умирая, корчились солдаты,
и почва вся сыра́ от слез вдовиц,
и что ни шаг, то Славе падать ниц,—
здесь, где пришлось весь мрак и свет изведать,
среди руин, траншеи закидав,
здесь мы закладывали парк Победы
во имя горького ее труда.
Все было сызнова — и вновь на пустыре,
и все на той же розовой заре,
на юношеской,
в радугах дрожащей;
и вновь из пепла вставшие дома,
и взлеты вдохновенья и ума,
и первых рощ младенческие чащи...

...Семнадцать лет над миром протекло—
с поры закладки, с памятного года.
Наш парк шумит могуче и светло —
победою рожденная природа.
Приходят старцы под его листву —
те, что в тридцатом были молодыми,
и матери с младенцами своими
доверчиво садятся на траву
и кормят грудью их...
И семя тополей —
летучий пух — им покрывает груди...
И веет ветер зреющих полей,
и тихо, молча торжествуют люди...
...И я доныне верить не устала
и буду верить с белой головой,
что этой жесткой светлой мостовой,
Международный, путь великий мой,
под грозный марш «Интернационала»
сойдемся мы на Праздник мировой.
Мы вспомним все: блокады мрак и беды,
за мир и радость трудные бои,—
и вечером над нами парк Победы
расправит ветви мощные свои...

тому что Говоров взял на себя руководство контрбатарейной борьбой и под его руководством ленинградские артиллеристы подняли на большую высоту артиллерийскую науку.

Поражая вражеские батареи, артиллеристы сохранили город от разрушения, спасли его исторические здания и многие жизни жителей. Они в решающих боях разгромили все немецкие укрепления, стерли с лица земли технику и живую силу врага, проложили путь к решительной победе.

Разговор с Маршалом зашел о временах ленинградской блокады. Говоров рассказывал многие подробности военных событий того времени. Он был суровый, молчаливый человек громадных знаний, строгой дисциплины. Но когда увлекался беседой, он становился прекрасным рассказчиком.

Саянов спросил его:

— Скажите, пожалуйста, Леонид Александрович, можете ли вы назвать случай особого действия ленинградской артиллерии по защите города от варварских обстрелов?

Говоров подумал, потом пошел к столу, достал из ящика папку, вынул из нее два больших листа, на которых были какие-то схемы. Эти листы он положил перед нами. Помолчал, как бы вспоминая что-то, и заговорил медленно, взвешивая слова, как всегда:

— Отвечаю на ваш вопрос. Пятого ноября 1943 года Андрей Александрович Жданов сказал мне после моего очередного доклада о положении на фронте: «Как бы это так сделать, чтобы немцы не очень били по городу в день праздника? Седьмого ноября народу на улицах больше обычного, и жертвы неизбежны. Они, конечно, хотят испортить нам праздник и будут вести огонь с предельной жестокостью. Нельзя ли что-нибудь сделать, помешать им в этом?» И я сказал ему тогда: «Немцы седьмого ноября не сделают по городу ни одного выстрела!» «Как так? — начал было Жданов, но, взглянув на меня — его, видимо, поразила моя прямота и уверенность,— он улыбнулся и сказал только: — Я вам верю!» Я ушел от него и начал думать. Думал я вот над этими бумажками. Посмотрите. Я накладываю прозрачную бумагу со схемой на эту, побольше, что на толстой бумаге. Видите, как совпадают точно, почти точно совпадают повсюду эти условные знаки? Нижняя схема — это схема расположения немецких батарей — сделана нами, данные добыты всеми видами нашей разведки. Видите, мы довольно точно знали все три позиции каждой батареи: настоящую, ложную и резервную. Кроме того, в нашем распоряжении были сведения о расположении пехотных позиций, аэродромов, железнодорожных станций, штабов, наблюдательных пунктов и так далее. По иным целям мы еще не стреляли, чтобы не спугнуть противника, хотя держали под прицелом его болезненные точки. И сами имели такие батареи, которые, будучи хорошо замаскированными, стояли на позициях, не делая ни одного выстрела, и поэтому не были отмечены противником. Он и не подозревал об их существовании. И вот был разработан подробный план, который начал приводиться в действие ночью шестого ноября. Спокойно спавшие фашисты были неприятно разбужены, когда совершенно неожиданно мы начали громить вражеские батареи, аэродром в Гатчине, полный самолетов, бить по штабам, по перекресткам, по наблюдательным пунктам, по эшелонам на станциях. Все сильнее и болезненнее были наши удары. И враг наконец раскачался, начал отвечать во всю силу. Уже к шести утра немецкая артиллерия яростно била по известным им батареям и судорожно засекала новые, о которых не знала. Так всю ночь и утро длился этот поединок. Немцы бросали свои залпы, перенося их с одной цели на другую. И когда мы открыли огонь на подавление, немцы ввели резервные артиллерийские дивизионы. К полудню двадцать четыре немецкие батареи неистовствовали. Тогда я дал приказ начать действовать морякам, морской артиллерии. После такого оглушительного поединка немцы стали постепенно сдавать. Их огонь наконец совсем стих, и только отдельные орудия еще продолжали огрызаться. Но все снаряды ложились только в расположении нашей обороны. Ленинградцы слышали всю эту пальбу, грохот стоял над городом, но снарядов немецких нигде не наблюдалось на улицах, и все удивлялись: что произошло, что немцы не обстреливают город? День прошел без приключений. Вечером Жданов увидел меня, радостно сказал: «Поздравляю! Артиллерия сдержала слово. Ни одного снаряда в Ленинграде за весь день не упало. Как вы это сделали?» Я рассказал ему о предпринятой операции. Он сказал: «С такой артиллерией мы можем совершить большие дела...» А мы тогда готовились к разгрому немецких позиций под Ленинградом. Как вы знаете, войска Ленинградского фронта совершили большое дело — освободили Ленинград, далеко прогнали фашистов от города. А этот случай показывает, как артиллеристы своим искусством защищали и сохраняли Ленинград!

Говоров довольно усмехнулся в свои короткие усы и добавил:

— По Берлину первые выстрелы сделали артиллеристы-ленинградцы. Они заслужили эту честь!

Огонь по вражеским самолетам зенитки ведут с площади перед Исаакиевским собором.

Фото Б. КУДОЯРОВА.

ТВОИ ДОМА, КАК БАСТИОНЫ,

Невский. Идет артобстрел.

Зима сорок первого года...

ЗЕМЛЯК

Александр РЕШЕТОВ

Легко сказать: он был в блокаде,
Свой город защищал, герой.
Но правды ради,
Жизни ради
Не надо легкости такой.
Да, был,
Да, защищал.
А как же?!
И вот — равняйтесь, стало быть?
Но нет, он сыну не накажет
Невзгоды так же пережить:
И в молодости стать беззубым
С блокадно-горького пайка
И припадать, не плача, к трупам
Друзей из своего полка,
А дома ни жены, ни брата.
Ни дома даже не найти.
И уж не с песней, как когда-то,
А с болью в раненой кости
Идти с веселья молодого,
Чтоб с мукой сладить одному...
Не пожелает он такого
На всей планете никому!
В блокадных прокаленный зимах —
В беде, что била Ленинград,
Он видел, как необратимо
Катилась та беда назад.
Причастный к радующей силе,
В походе хмурился земляк,
Жалея, что беду пустили,
Что можно было и не так...

«Пускай беда лежит — не дышит,
Рискнет подняться — приземлим!»
Слова я эти помню, слышу,
За Нарвой сказанные им.

И ныне, в дивном многолетье,
Тем, стреляный, он и живуч,
Что верит: нет на белом свете
Неотвратимых бед и туч.

На привале...

Ладожское озеро. Катера в дозоре.

Фашисты разрушили еще один дом.

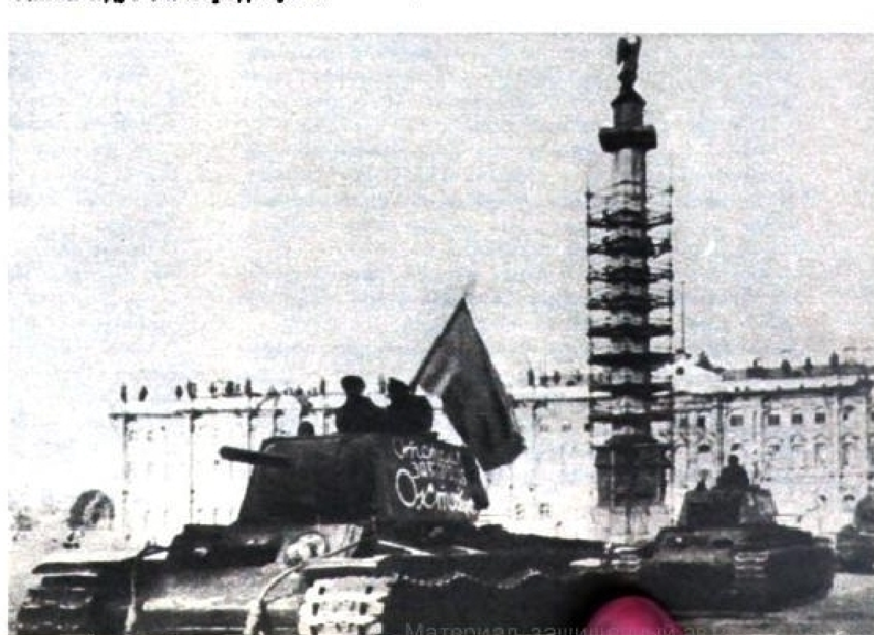
Встреча патрулей — рабочего и матросского.

СТОЯЛИ НАСМЕРТЬ НАД НЕВОЙ

После фашистской бомбежки.

Танки идут на передовую...

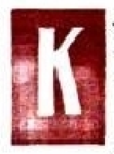

Серафима ПОЛОЦКАЯ

Рассказ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

ДЕВЯТЫЙ К

ак только колонна наших грузовиков, выкрашенных в белый цвет, приблизилась к Девятому километру, мне сразу стало не по себе. Казалось бы, куда, ни глянь — голое поле. Все восемнадцать тысяч квадратных километров Ладожского озера лежат скованные льдом. Но с тех пор, как я добилась перевода из роты связи в автобат, каждый километр этой ледяной равнины получил для меня особое значение.

Когда же у низкого ледяного домика — поста Девятого километра — я разглядела фигуру в белом маскировочном халате, в голову невольно полезли всякие мысли. Именно в дежурство этого высокого регулировщика мне особенно не везло с самого первого дня.

Вернее, с той первой ночи...

Тогда еще не было ни этой заснеженной, ухабистой дороги, ни наших белых грузовиков. Я лежала, упершись лбом в гладкий, тонкий лед.

— Давай хлебни, парень!

Так впервые услышала я голос этого регулировщика. Приподнимая и усаживая меня, он влил мне в рот спирту из фляжки.

— Хлеба! — задохнувшись и кашляя, попросила я.— Хлеба!

— Девчонка!..— удивился регулировщик.

— Доброволец из роты связи,— простуженно прохрипел комиссар.— Больше тридцати километров прошла за ночь. От самого Ленинграда.

Регулировщик, разглядывая меня слегка раскосыми глазами, достал из-за пазухи кусок хлеба, сунул мне в руку.

— Давай ешь.— И недовольно повторил: — Девчонка...

Комиссар наклонился ко мне и сказал:

— Ну, отдышалась? Свяжись с ленинградским берегом.

Судорожно проглотив кусок хлеба, я начала свой первый вызов через озеро:

— Я — «Подсолнух», я — «Подсолнух»! Вы слышите меня, «Береза»?

Комиссар, взяв у меня трубку, стал слушать, что отвечает ленинградский берег, и нахмурил белые от инея брови.

Луна, выбравшись из облаков, обратила лед в живую воду — дробящаяся дорожка бликов казалась набегающими волнами.

А дальше плескались настоящие волны, и было видно, как у Шлиссельбурга по не замерзшей еще воде немецкий буксир тянул баржу.

Комиссар, слушая ленинградский берег, тоже смотрел на буксир и баржу.

— К черту правила! — хрипло крикнул он в трубку.— Я понимаю, лед тонок, но порожняк может проскочить! Держитесь телефонного кабеля! Пусть со всех кабин снимут дверки, чтобы водители успели выпрыгнуть в случае чего... Вызовите добровольцев из коммунистов. Если надо, я вернусь и сам поеду на первой машине.

За щекой таял хлеб, а я вспоминала о том, как вся наша рота связи сделала два шага вперед, когда комиссар вызвал добровольцев идти через озеро.

Невозможно было оторвать взгляд от линии вешек, уходящих к сугробам ленинградского берега. Там каждый час умирали от голода люди, а у солдат не хватало патронов.

— Добровольцы найдутся и в автобате,— невольно вырвалось у меня.

— Давай жуй, Подсолнух!— прикрикнул на меня регулировщик.— Опять свалишься...

Он смотрел на меня осуждающе, очевидно, недовольный тем, что я не парень, а девушка.

Это было давно. Теперь же на озере не осталось гладкого льда. Даже там, где еще вчера я вела машину на полном газу, бомбежка поставила дыбом прозрачные глыбы льда с не затупившимися еще гранями. Дорогу отвели к старым приземистым торосам, уже заваленным снегом.

Взревев, моя полуторка полезла на мост через постоянную трещину — майну, пересекавшую девятый пост. Вода под мостом слегка дымилась от мороза. А дальше подводные течения вспучили такие наледи, что я, вцепившись в баранку, то давала полный газ, то тут же притормаживала. Коробка скоростей стонала, словно раненая.

Когда я поравнялась с высоким регулировщиком, он шагнул ближе к дороге и махнул мне зелено-желтым флажком.

ИЛОМЕТР

— Давай!

Из-под белого капюшона попыталось улыбнуться худое, задубленное морозом, почти черное лицо. Но от этих усилий только слезы набежали на спокойные глаза, и ветер выбил их на острую скулу.

— Давай!

Регулировщик требовал увеличить расстояние между моей машиной и идущей впереди до полагающихся десяти метров.

«Придира!» — подумала я, нажав тормоз. Но тормоз вдруг вырвался из-под моего валенка, меня швырнуло на заднюю стенку кабины, а полуторка с воем и треском встала на дыбы. Только когда машина грохнулась на все четыре колеса и, скрежеща, остановилась, я поняла, что недалеко разорвался снаряд. Дальнобойные орудия немцев накрыли дорогу.

Я выскочила из машины и подняла капот радиатора. Понять, отчего остановилась машина, было трудно. Вой снарядов, разрывы, свист осколков — плохие помощники при работе. А после того, как меня основательно тряхнуло в машине, голова вообще отказывалась соображать...

Со стороны встречной дороги, которая проходила почти рядом, раздались крики. Регулировщик в каске, надетой поверх маскировочного капюшона, с красным флажком в руке, прихрамывая, бежал к потоку встречных машин.

— Давай, давай! — чуть слышно доносилось сквозь гром обстрела и завывание ветра.

Водители и без этой команды спешили проскочить зону обстрела. Машины объезжали меня на полном газу, а я, заткнув за пазуху рукавицы, проверяла бензопровод.

Но только я легла у машины, как меня обдало жарким воздухом взрывной волны, и лед, загудев, всколыхнулся. Снаряд ударил где-то совсем недалеко. Я вскочила и остолбенела: в радиатор моей машины, раскроив его до самого низа, впился большой осколок.

— Ты что? Не видишь? Нельзя починить! — заорал на меня подбежавший регулировщик. Подняв красный флажок, он бросился наперерез мчащейся машине.— Стой! Бери на буксир!

Грузовик с визгом остановился, и шофер, ругаясь, выпрыгнул.

Я выхватила из-под сиденья трос, кинулась привязывать его к машине, но регулировщик рванул меня за руку.

— Сам справится!..

— Моя же машина! — закричала я, вырываясь.— Груз... Мука же...

Не слушая, регулировщик тащил меня за руку к встречной дороге. Поперек нее стояла трехтонка, слегка вздрагивая от работающего мотора. К баранке прижался щекой водитель.

— Давай! — распахивая дверку, крикнул мне регулировщик.

Я кинулась к кабине... Открытые глаза шофера уже помутнели. Чудом он успел остановить машину...

Мы вытащили убитого и положили его на сугроб.

— Давай! — повторил регулировщик, подталкивая меня к кабине.

Вставая на подножку, я заглянула в кузов. Там ничком лежали укрытые одеялами ленинградцы; кое-кто из них поднял голову.

Неестественно большие глаза смотрели с застывшим выражением испуга и надежды. Вдруг около самой кабины взметнулось голубое одеяло, за борт уцепилась детская рука в синей варежке и тут же бессильно поползла вниз — по белому борту грузовика потянулся ярко-красный след. Выхватив из-под одеяла ребенка, я протиснулась с ним в кабину трехтонки.

— Давай! — торопил регулировщик.— Всех тут поубивает!

Я положила неподвижную, плотно закутанную девочку рядом с собой на сиденье, хотела включить скорость, но тут меня словно накрыло тишиной... В голове все начало путаться.

— Подсолнух! Черт тебя побери! — услышала я будто сквозь сон. Регулировщик тряс меня, тер лицо снегом.— Ты что? Вот баба! Ты же коммунистка, очнись! Давай...

— Я беспартийная,— сказала я.

Машина рванулась, и регулировщик остался позади.

Отплевываясь и чувствуя во рту привкус крови, я подумала: «Вот проклятый!.. Еще упрекает...»

Над головой, сквозь дыры, пробитые осколками в кабине, виднелось серое небо. Снаряды уже не долетали до нас.

На сиденье так же неподвижно лежала девочка с закрытыми глазами. Ее пропитанные кровью варежки валялись рядом. Длинные, тонкие, как у птицы, пальцы были холодными. Жива или нет девочка — разбираться было некогда. С моей левой щеки на баранку капала кровь, но перевязывать рану тоже было некогда. Дорогу искарежило снарядами и залило водой. Колеса буксовали, несмотря на цепи.

В медсанбат из всей машины попали только двое: девочка и я. Большинство эвакуированных оказались невредимы. Четверо крайних у левого борта были убиты.

Коек в медсанбате не хватало, и нас поместили на одной. Девочка была сильно истощена и простужена. Она металась в жару и тянулась ко мне.

— Мама...

Нижнюю часть лица мне забинтовали из-за раны на щеке. Видны были только мои темные глаза да светлые волосы, такие же, как у матери этой девочки. Я заметила выбившиеся светлые пряди, когда ее, убитую, помогала опускать из грузовика. Глаз не видела: они были закрыты.

И вот девочка, касаясь моих волос, твердила:

— Мама, мама...

Не зная, что делать, я бормотала сквозь повязку:

— Успокойся, дочка...

Девочка затихала и начинала монотонно шептать:

— Потом мы поедим каши. Потом попьем чайку и съедим хлеб. Получим двести пятьдесят граммов... Полкило сразу съедим... Восемьсот граммов...

И снова слабый голос дрожал:

— Мама, мама...

Высушенное голодом маленькое тело прижималось ко мне, обдавая жаром, а я думала о том, как легко этой девочке, зарывшейся бескровным лицом в мои волосы. Я была здорова и сильна, когда стояла в туче красной пыли перед грудами битого кирпича, под которыми лежали моя мать, отец, братишки-близнецы, дед...

— Доченька, доченька,— бормотала я, вливая ей в рот жидкую кашу. Я знала: ей сейчас очень нужна была мать.

— Спасибо,— сказала мне военфельдшер, поившая тяжелораненого на соседней койке.— Хорошо помогаешь. У меня рук не хватает. Санитарный поезд задержался. Бои на дороге...— Она с трудом выпрямилась и еще раз взглянула на нашу койку.— А знаешь, какая у нее фамилия? Как и твоя: Иванова... Жалко девчонку...

Мне пришлось кивнуть: разговаривать было трудно.

На нашей трассе я видела много детей, разучившихся улыбаться, переставших плакать, равнодушных ко всему. Непомерно большая голова, которую уже не держала тонкая шея девочки, отечные веки, словно налитые голубой водой, вызывали острую, непереносимую жалость.

Через день я, еще забинтованная, снова сидела за баранкой. Полуторку мою отремонтировали без меня, сразу же, как только был сдан груз.

После двухдневного перерыва я увидела дорогу будто заново. Огни трепетали, кружились, двигались гирляндами по всей ледовой трассе. По небу, рассекая мглу, шарили узкие конусы прожекторов, перекрещиваясь, расходясь, уступая место неярким зимним звездам. В тот самый день, когда меня перевели в автобат, нашу дорогу прозвали Невским проспектом.

Мы тогда собрались на митинг в лесу около озера. Комиссар, указывая в сторону перевалочной базы, сказал, что горы грузов с надписью «В Ленинград» не тают, а растут — план перевозок не выполняется.

Он прочел нам обращение Военного Совета:

— «Дорогие товарищи!.. снабжение Ленинграда и фронта висит на волоске, а население и войска терпят невероятные лишения... От лица Ленинграда и фронта прошу вас... возьмитесь за дело, как подобает советским патриотам...»

Наверное, на всю жизнь запомнила я эти слова и людей, стоявших вокруг. Это было необыкновенное войско. Половина его состояла из увечных: одноглазых, сухоруких, хромых... Люди прямо из госпиталей, из батальонов выздоравливающих пришли на лед. Много было и шоферов такси — лихачей, еще не привыкших к дисциплине, работавших на свой страх и риск. Большинство водителей были ленинградцы, истощенные голодом.

Я всегда буду помнить, как задрожал вдруг в конце голос нашего комиссара:

— «Ваших трудов Родина и Ленинград не забудут никогда!»

На митинге я второй раз увидела регулировщика с Девятого километра. Сильно хромая, он поднялся на возвышение и стоял рядом с комиссаром. Говорил плохо, сбивчиво и очень тихо. Вряд ли кто и понял его, но последнюю фразу расслышали все:

— Я коммунист... Хотя рана моя не зажила, я не сойду со своего Девятого километра, пока кровь моя не станет льдом.

Случайно наши глаза встретились. И что-то горячее в его взгляде заставило меня протиснуться вперед.

Тихо и, наверное, так же сбивчиво, как регулировщик, я рассказала, что занималась в авто-мотоклубе, имею любительские права. И попросила, чтобы мне дали машину.

Регулировщик стоял неподалеку, и я услышала то, что давно говорили его глаза:

— Не женское дело!

Испугавшись, я объявила, что ничего не боюсь, что отец мой был водителем автобуса и я хочу водить машину.

Тогда многих переводили в автобаты: шоферов не хватало. Дали машину и мне.

А генерал сказал:

— С сегодняшнего дня светомаскировка на трассе отменяется: фары — белый свет, путь — морские мигалки и фонари.

По рядам прошел шепот. Все ахнули при таком отступлении от правил.

— Считаю, меньше будет урон,— объяснил генерал.— Мы сами друг друга в темноте больше давим, чем немец в машины попадает.

С этого-то дня трассу прозвали Невским проспектом.

А теперь уже кажется привычным, что ярко освещенные ленты пересекают озеро. Машины успевают сделать два, три, иногда четыре рейса за сутки, хотя дорога удлинилась, и мы возим грузы не только по озеру, но и до самой железной дороги.

На моей белой полуторке тоже был укреплен маленький красный флажок многорейсовика, пока его не сбило осколком.

Подъехав к Девятому, я увидела знакомую долговязую фигуру у просвечивающего изнутри ледяного домика. Согнувшись, он входил

в него. Я едва успела подумать, что регулировщик жив, как дорогу осветило ярким светом. Немцы не оставляли нас в покое и на этот раз развесили осветительные бомбы-люстры.

Началась воздушная тревога. Метрах в полутораста от дороги с грохотом взметнулся огромный столб воды, льда и пламени. Запахло гарью. Ударило ближе. Я оглянулась. Позади меня в колонне было уже не пять, а только четыре машины. К свежей пробоине, в которой колыхалась черная вода, бежал на помощь регулировщик. Но из закрытой кабины груженой машины не мог бы выбраться и чемпион мира по плаванию. Мы знали это из горького опыта. Сжав под повязкой губы, я погнала машину, не глядя по сторонам. Всегда на Девятом одно горе...

Впрочем, утром во время следующего рейса началась вьюга, и на других километрах было не лучше, чем на Девятом. Автоколонна ползла, словно внутри громадного снежного смерча, застилавшего небо. Стало темно, а фары пробивали не больше трех метров и не освещали ничего, кроме снега. Ветер с завыванием вдувал его во все щели моей старенькой полуторки. Колючая снежная пыль лезла в глаза.

Такого бурана не было давно, хотя дело шло уже к весне. Окончив смену, я еле доплелась до медсанбата.

Военфельдшер сказала:

— Она спрашивала маму. Пришла в сознание. Про обстрел все помнит... А про повязку твою спросила: куда же мама ушла, если ранена и вся в бинтах?

Снимая с меня повязку, военфельдшер наклонилась и виновато заглянула мне в лицо.

— Пришлось сказать, что мама теперь солдат и ушла на работу. Ну что было сказать?

Я кивнула, а она сняла бинты и, сев напротив меня, посмотрела не на рану, а мне в глаза.

— Я сказала, что мама придет проводить поезд, а потом приедет, заберет из госпиталя... Невозможно, невозможно сразу...

— А в какой ее госпиталь? — спросила я, еле шевеля засохшими губами.

— В Казань или в Куйбышев. Если поправится, там — детский дом, школа...

— Какая же школа? — удивилась я.— Она крошка...

— Блокадница,— кратко объяснила военфельдшер, принимаясь за перевязку.— А ей уже семь лет,— продолжала она, бинтуя.— Бывают еще хуже. От голода и страха будто деревенеют. Имени своего вспомнить не могут. Говорить перестают...

Мне это было известно и все же каждый раз казалось невероятным...

На следующий день около поста на Девятом километре я свернула к сугробу и, не заглушив мотора, подбежала к регулировщику.

— Эге, уже? — удивился он.— А я собирался в медсанбат, тебя навестить.

— Ладно, в порядке,— сказала я.

Он не разобрал моих слов сквозь бинты и спросил:

— Выпустили или сбежала?

Я немножко продырявила пальцами бинт около рта.

— Ты татарин?

— А что? — удивился он.

— Я думаю, ты не ленинградский. Родители твои не в Казани?

— Нет, под самым Куйбышевом... А твои?

— Моих всех в первую бомбежку... Девочка эта тоже одна осталась. У матери на шее, в мешочке, документы и похоронная об отце... А ее мать звали почти как меня — Марией.

— Ты, значит, Мария?

— Нет, я Марина.

— А я привык к твоим позывным, так тебя и считаю Подсолнухом.

Пора было ехать. Я еще больше раздвинула бинты и твердо посмотрела на регулировщика.

— Я хочу, чтобы девочка осталась со мной, если сама буду жива. Напишу ей в госпиталь и в детдом. Может, кто из твоих съездит в Куйбышев, посмотрит там, в госпитале? Уж очень она... Да ты сам видел... А?

— Давай,— кивнул он в сторону моей машины.— Подумаю.

Пришлось дать полный газ, чтобы догнать свою колонну.

Когда мы стали под погрузку, я забежала в медсанбат, рассказала обо всем военфельдшеру и попросила, чтобы девочку направили в Куйбышев.

Военфельдшер обрадовалась.

— Поговорю с начальником поезда. Приходи завтра, будут грузить ночью.— И, закончив мне перевязку, разрешила заглянуть в палату.— Спит твоя дочка!

Только светлые тонкие волосы на подушке были детскими. Маленькое восковое, старческое личико даже сильный жар не мог оживить румянцем.

— Неужели она не выздоровеет? — спросила я.

Но свежая повязка лежала плотно, и военфельдшер, не расслышав, прикрикнула:

— Не теребн бинты... Иди, иди...

А на следующий день наступила оттепель. В Ленинград я ехала еще по твердой дороге, а обратно размешивала колесами снежную кашу. Около Девятого километра появился плакат:

«Водитель! Помни, что лед не вечен. Чем больше рейсов ты сделаешь, тем больше жизней уцелеет в Ленинграде».

Регулировщик поднял красный сигнал и, хлюпая по воде сапогами, подошел к кабине.

— Вот, на всякий случай... Тут и адрес и все... Матери я написал, что хочу удочерить эту ленинградскую девочку. Мать у нас добрая...

Обеими руками я сдернула вниз повязку.

— Так это же я решила удочерить! — крикнула я так, что из растрескавшихся губ на подбородок побежала кровь.— Как же ты...

— Пусть тот, кто останется жив,— перебил он меня.

Я поняла и замолчала.

— Матери я написал об этом и о тебе... Если ты не возражаешь...— сказал он.— Мать возьмет девочку из госпиталя, и они вместе станут ждать конца войны.

Я молчала.

— Ты хочешь по-другому? — спросил он.

— Пусть будет так,— ответила я.

— Постой!

Он побежал рядом. Я указала рукой на плакат: «Водитель! Помни, что лед не вечен...» — и надавила акселератор.

...Санитарный поезд грузили почти на рассвете. Здесь светомаскировку не отменяли, и синие лампочки светились унылым светом. Когда я взялась за носилки, девочка открыла глаза.

— Мамочка, какая ты странная в этой шинели, с завязанным лицом,— тихо сказала она.

Ей, видно, стало немного получше, но глаза от слабости то и дело закрывались, и она, цепляясь высохшими пальцами за рукав моей шинели, шептала:

— Может быть, тебя сейчас отпустят? Поедем вместе... Поедем вместе...

Я качала головой, боясь заговорить даже сквозь бинты. Пусть узнает потом, когда окрепнет, привыкнет к новым людям.

Военфельдшер, которая не отходила от нас, беспокойно поглядывая то на нее, то на меня, сказала:

— Война кончится, и увидитесь... Скоро... Ты из госпиталя пиши почаще...

— Марина! — крикнули где-то поблизости.— Иванова Марина!

Я растерялась и ничего не успела придумать. Шофер из нашей колонны подбежал прямо ко мне и сердито сказал:

— Ты что, Марина? Машину твою погрузили!

— Иванова Мария! — поправил его слабый, но строгий детский голос.— Мария. Мама...

Она заплакала. Не выдержав, я наклонилась к ней, и она, уронив мою шапку, стала гладить мне волосы.

Военфельдшер сделала знак уходить. Я приложилась своими бинтами к мокрому детскому лицу, к сухим пальцам и, нахлобучив ушанку, побежала.

Хорошо, что мы были однофамилицами, и разницу в имени девочка отмела сама.

— Иванова,— догоняя, сказал шофер.— Да тебе же всего восемнадцать лет!.. Не понимаю...

Я отмахнулась. Что бы ни было, а надо спешить: «Лед не вечен...»

Через две недели я получила первое за всю войну письмо, написанное вкривь и вкось крупными буквами. Оно начиналось словами: «Милая мамочка!»

Вернувшись в землянку, я не смогла заснуть и, раздобыв бумаги, начала печатными буквами:

«Родная моя доченька! Главное — выздоравливай...»

Потом регулировщик получил письмо от своей матери. Она была согласна взять девочку. Глядя на его худое, суровое лицо, странно было читать, что он «младшенький» и «миленький», но было понятно, что моей девочке в этой семье будет хорошо.

С тех пор мы часто обменивались письмами на Девятом километре и перекидывались каким-нибудь словом, если не случалось особенно сильной бомбежки.

Машины теперь медленно ползли вокруг проталин, полыней и трещин: лед стал тонким. От воды поднимался пар. Грело весеннее солнце, и в кабине одолевала сонная одурь. Я, как многие водители, укрепила на винтовке штык и поставила его так, чтобы не клевать носом, склоняясь к баранке. И, надо сознаться, натыкалась я на него почти каждые десять минут...

У берегов озера стала проглядывать трава, иногда слышались радостные птичьи голоса. А шоферы, надрогшиеся за зиму, не радовались, ругались крепкими словами. Морозы, метели, бомбежки не могли закрыть нам дороги, а с теплом, разрушающим лед, бороться никто не мог.

В начале апреля на льду уже не оставалось сухого места. Ездили, не зная, где под водой новые полыньи и трещины. Стало опасно, и шоферы опять сняли дверки с кабин. Мокрые, иззябшие, мы бессменно водили машины по двое, по трое суток, считая за великое счастье вздремнуть хотя бы минут пятнадцать при погрузке. А как только грузчики заполнят кузов и кладовщик толкнет в плечо, протягивая накладную, мы, протерев глаза, опять пускались в путь. Надо было сделать в Ленинграде запас хотя бы на время ледохода...

Когда у спуска на лед появился щит с надписью «Дорога на Ленинград закрыта», в нашей автороте назначили партийное собрание.

В том же лесочке, где когда-то был митинг, меня принимали в партию. Парторг прочел мое заявление, совсем не примечательное: родилась, училась, пошла на Ладогу. Все...

Парторг сказал:

— Одна рекомендация моя, другая — регулировщика Алымова.

Потом, не торопясь, прочитал свою коротенькую рекомендацию и вторую...

Если верить рекомендации регулировщика Девятого километра, то лучшего водителя на Ладоге, чем Иванова Марина, никто не видывал. Когда же парторг громко прочел, что у меня «сердце такое же золотое, как волосы, и горячее, как солнце», я опустила голову и от стыда не решилась ни на кого взглянуть.

Парторг, дочитав, ничего не добавил. Спросил только:

— Какие будут вопросы к товарищу Ивановой Марине Петровне?

Вопросов никто не задал, а раздались голоса:

— Принять! Знаем мы Подсолнуха. Принять!

Мне так и не удалось решить, благодарить ли регулировщика за такую рекомендацию или сердиться, потому что сразу была объявлена боевая тревога.

Когда все заняли свои места, стало известно, что Военный Совет Ленинградского фронта просит срочно переправить пополнение на западный берег. Командиром сводной роты назначили нашего комиссара...

Удивительно было слушать приказ, глядя на пустынное, покрытое водой озеро и затонувшие кое-где у берега грузовики. Все же машина нашего лучшего водителя спустилась с берега и по воде, доходящей до радиатора, пошла, оставляя пенную волну. Через каждый километр с нее в воду соскакивал регулировщик. Вдоль этой живой цепочки указателей дороги по озеру пошли другие машины. Моя — последней.

Навстречу возвращались порожние машины: ехать по льду можно было всего несколько километров. А в глубь озера, по воде, шла уже вереница людей, нащупывая перед собой путь длинными шестами.

Как только я остановила машину, к ней, разбрызгивая воду, кинулась знакомая длинная фигура.

— Ну,— сказал он,— до свидания или прощай... Не знаю уж... Я на тот берег. Воевать...

Я выскочила. Так мы молча и смотрели друг на друга, стоя по колена в воде. Его окликнули. Он наклонился ко мне и неловко поцеловал. Я уцепилась за его руку.

— Как же!.. Мы же...

Он шагнул в сторону и взял с машины шест.

— Матери моей пиши... Может, почта изменится, может, что...

Он был уже в нескольких шагах от меня.

По пояс в ледяной воде шла бесконечная цепочка людей. Они сворачивали то вправо, то влево, упираясь шестами. Останавливаться было нельзя: лед мог не выдержать... Я уже не могла разглядеть Алымова. На колыхающейся воде виднелись только черные точки.

Песня о незнакомой девочке

М. ДУДИН

Я нес ее в госпиталь. Пела
Сирена в потемках отбой.
И зарево после обстрела
Горело над черной Невой.

Была она, словно пушинка,
Безвольна, легка и слаба.
Сползла на затылок косынка
С прозрачного детского лба.

И мука бесцветные губы
Смертельным огнем запекла.
Сквозь белые сжатые зубы
Багровая струйка текла.

И капала тонко и мелко
На кафель капелью огня.
В приемном покое сиделка
Взяла эту жизнь у меня.

И жизнь приоткрыла ресницы,
Сверкнула, подобно лучу.
Сказала мне голосом птицы:
— А я умирать не хочу...

И слабенький голос заполнил
Мое существо, как обвал.
Я памятью сердца запомнил
Лица воскового овал.

Жизнь хлещет метелью. И с краю
Летят верстовые столбы.
И я никогда не узнаю
Блокадной девчонки судьбы.

Осталась в живых она, нет ли?
Не видно в тумане лица.
Дорога запутана. Петли
На петли легли без конца.

Но дело не в этом, не в этом.
Я с новой заботой лечу.
И слышу откуда-то, где-то:
— А я умирать не хочу!

И мне не уйти. Не забыться.
Не сбросить тревоги кольцо.
Мне видится четко на лицах
Ее восковое лицо.

Как будто бы в дымке рассвета,
В неведомых мне округах,
Тревожная наша планета
Лежит у меня на руках.

И сердце пульсирует мелко,
Дрожит под моею рукой.
Я сам ее врач, и сиделка,
И тихий приемный покой.

И мне начинать перевязку,
Всю ночь в изголовье сидеть,
Рассказывать старую сказку,
С январской метелью седеть.

Глядеть на созвездья иные
Глазами земными в века
И слушать всю ночь позывные
Бессмертного сердца. Пока,

Пока она глаз не покажет
И не улыбнется в тени,
И мне благодарно не скажет:
— Довольно. Иди отдохни...

Герой Советского Союза Ф. Т. Дьяченко. (Фотография военного времени.)

ГЕРОЙ ЖИВЕТ НА ОГНЕВОМ РУБЕЖЕ

Для того, чтобы получше обрисовать места боев, Федору Трофимовичу Дьяченко не приходится теперь прибегать к помощи карт и схем. Подойдя к окну, он кивнул на стоящие рядом новые дома.

— Вот здесь и находились наши огневые позиции. На том месте, где стоит теперь наш дом, проходила траншея. Потому и назвали эту улицу Оборонной.

Действительно, трудно подобрать лучшее название для новой улицы, которая выросла на том самом месте, где проходила линия обороны. Для бывшего снайпера Героя Советского Союза Федора Трофимовича Дьяченко это название имеет особый смысл. Из 425 фашистов, убитых им под Ленинградом, около сотни приходится на этот самый рубеж.

Находясь в обороне, снайпер Дьяченко выслеживал врага, не жалея времени. Но пришел день, когда полк его оставил давно насиженный рубеж: готовились к наступлению. Перед началом операции солдаты ушли на отдых и переформирование в тыл. Времени на перебазировку потребовалось немного: миновали Кировский завод, расположились на улице Калинина — вот тебе и тыл.

У Дьяченко, тогда уже комсорга батальона, забот хватало и на отдыхе. Надо было подготовить молодежь к решительному броску вперед. А тут еще кто-то подал хорошую мысль: каждому комсоргу роты вручить красный флажок на длинной палке, и пусть во время наступления все видят, что комсомольские вожаки впереди. Мысль понравилась и командиру и комсомольцам. Но где достать красный материал?

Дьяченко наугад постучался в одну из квартир на улице Калинина. Открыли двое стариков — муж и жена Колесниковы. Федор, как мог, объяснил, в чем дело, и спросил, нет ли каких-нибудь красных лоскутков. Хозяйка развела руками, но когда сержант собрался уходить, остановила его. Порылась в шкафу и вынула оттуда платок красной шерсти. По тому, как аккуратно он был сложен, чувствовалось, что носила его хозяйка нечасто, по праздникам. Протянула сержанту.

— Бери, сынок!

Дьяченко растерялся.

— Это же платок. Еще носить будете.

— Бери,— твердо ответила женщина.— Вам он теперь нужней.

Узнав, что флажки сделаны из платка ленинградской женщины, комсомольцы тем более дорожили честью нести их вперед. И лишь на третий день наступления два флажка чуть задержались на одном месте: комсорг роты Плеханов был убит, комсорг батальона Дьяченко тяжело ранен. Но комсомольцы подхватили их флажки и понесли дальше, вперед...

— А платок я все-таки вернул старой ленинградке,— улыбается Федор Трофимович.— Правда, уже после войны. Такого в точности в магазине не оказалось, но похожий и, конечно, тоже красный нашелся. Так что должником не остался.

...Выйдя проводить меня, Дьяченко вдруг остановился, оглядел свою Оборонную улицу и спросил:

— Нравится?

— Конечно, нравится! Но не только потому, что новые дома и вся эта широкая улица выглядят красиво,— разве мало у нас в Ленинграде да и в других советских городах таких же новых улиц? Но улица, построенная на бывшем оборонительном рубеже, и герой, живущий на своей огневой позиции,— такое встретишь нечасто!

Дьяченко долго стоял молча: нахлынули воспоминания.

— Вон там, — он указал рукой на строящиеся дома, — в сорок третьем похоронил я своего земляка Ивана Денисенко и ленинградского мальчика Славу Голубева. Даже не пойму, как это ему удалось перехитрить комиссию и в шестнадцать лет стать солдатом!

И Дьяченко задумчиво посмотрел на уже высоко поднявшиеся дома.

— Останки наших героев после войны перенесли отсюда в братскую могилу. Но другой раз мне кажется, что дома эти вроде памятников моим товарищам. Даже название проспекту дано будто в их честь: проспект Героев.— И глаза его, только что строгие, снова потеплели.— Есть у меня одна думка...

И он рассказал о том, что пришло ему недавно на ум. Мне лично мысль Федора Трофимовича очень понравилась. Он решил собрать как-нибудь сюда, на бывшую огневую позицию, своих однополчан. Пусть не осталось здесь траншей и солдатских землянок, пусть не найти потемневших стреляных гильз и ржавых снарядных осколков, все равно ветеранам будет интересно побывать на своем огневом рубеже, взглянуть на те высоченные дома, что поднялись тут...

Ну, а кому не удастся приехать на встречу однополчан, может написать Федору Дьяченко. Находится он на старом месте, только название адреса изменилось. Вместо номера полевой почты надо писать: Ленинград, Оборонная улица, 32, корпус 7, квартира 4.

Сам Герой Советского Союза Федор Трофимович Дьяченко очень доволен, что живет на том месте, где когда-то воевал. К тому же это очень удобно: близко до Кировского завода, на котором он теперь работает.

А. БУРОВ

В Ленинском зале. Фото Н. Ананьева.

РАЗВЕДКА НАЧАЛАСЬ С... БИБЛИОТЕКИ

Разведчики получили задание: пересечь линию Ленинградского фронта и нанести на карту огневые точки противника в населенном пункте, расположенном за несколько километров от города на Неве. И разведчики ушли... в Публичную библиотеку имени Салтыкова-Щедрина. Долго они сидели в холодном зале, листали путеводители, карты, изучая по литературе города и села, лежавшие на их пути.

А рядом с военными за столом сидели штатские. Они по первоисточникам изучали гидрологические особенности Ладожского озера, по которому предстояло проложить «дорогу жизни».

«Пришли два красноармейца, просили срочно подобрать литературу о зарядке аккумуляторов»,— читаем в дневнике Анастасии Ивановны Древинг, старейшей работницы Публичной библиотеки. «Был главный терапевт Ленинградского фронта, выписал периодические издания...» «Запрос писателя Всеволода Вишневского. Просит подобрать литературу о флотских офицерах и исторических памятниках великого Новгорода...»

...Все 900 блокадных дней вместе с ленинградцами жила и боролась «публичка», как исстари ласково называют библиотеку имени Салтыкова-Щедрина. Пусть в залах — минус 30 градусов, пусть от холода стынут пальцы и от голода кружится голова, но ни один запрос читателя осажденного города не должен остаться без ответа.

Когда в 1943 году в Ленинград приехал английский журналист Александр Верт, он прежде всего спросил: «Что стало с библиотекой?» Вместо ответа его провели в холодное, поврежденное осколками снарядов здание. Иностранец изумился.

— Неужели под обстрелом, в нескольких километрах от фронта библиотека продолжает обслуживать читателей?

Да, продолжает! Даже в самый трудный, 1942 год она обслужила 23 тысячи читателей и выдала 119 тысяч различных книг.

И не удивительно, что среди тысяч приветствий, полученных в эти дни Публичной библиотекой имени Салтыкова-Щедрина в связи со 150-летием со дня ее основания, много теплых слов пришло и от тех, кому она верно служила в блокадные дни.

...Каждый, кто хотя бы раз побывает в просторных высоких залах «публички», навсегда останется ее другом. В ее фондах — свыше 14 миллионов книг. Здесь литература по всем отраслям знаний, на многих языках мира, на 89 языках народов СССР. По богатству книжных и рукописных фондов она стоит в одном ряду с крупнейшими национальными книгохранилищами Вашингтона, Лондона, Парижа.

В одном из залов, теперь называемом Ленинским, в 1893—1895 годах занимался Владимир Ильич, создавая свои гениальные произведения. Ленин не только сам много работал в Публичной библиотеке, но и приучал работать с книгой питерских пролетариев, членов марксистских кружков.

К. ПЕТРОВ.

Пискаревское кладбище... Здесь памятник погибшим взывает к памяти живых.

Фото Н. АНАНЬЕВА и Л. БОРОДУЛИНА.

По проспекту Героев проходила передовая линия обороны Ленинграда.

...Когда вражеский снаряд вывел из строя турбину одной из ленинградских ГЭС и три авторитетных комиссии заявили, что «быстро отремонтировать невозможно», на помощь позвали инженера А. М. Яковлева. Вместе с рабочими Металлического завода он сделал то, что считалось невозможным...

Он и теперь все на том же заводе, конструктор, лауреат Ленинской премии. Наши корреспонденты засняли его в цехе, рядом с бригадиром слесарей Н. П. Васильевым.

Орудия легендарной «Авроры» защищали Ленинград.

В. М. Елисеев, К. К. Ибрагимов, Н. В. Зиновьев, Ф. И. Евтихова и В. А. Елёдин. В пору блокады они водили составы по «дороге смерти», которая связывала осажденный Ленинград с «Большой землей».

Невский проспект.

Вглядывается в звезды астрономическое око Ленинграда — Пулково.

Ее хорошо знали жители осажденного города, хрупкую девочку Веру, сандружинницу, помогавшую мамам спасать своих детей... Теперь она сама мама — Вера Ивановна Щекина...

Мальчишек радостный народ
Коньками звучно режет лед...

Немногие знают, что это новое здание Театра юного зрителя поднялось на том самом месте, где формировались ленинградские отряды народного ополчения.

Фото М. МУРАЗОВА.

Сестра моя, товарищ, друг и брат,
Ведь это мы, крещенные блокадой!
Нас вместе называют Ленинград.
И шар земной гордится Ленинградом.

Ольга Берггольц

Суровый и спокойный

Вера КЕТЛИНСКАЯ

В ватном костюме и валенках, в меховой шапке с опущенными ушами, скрадывающими худобу ее лица — одни только горящие глаза с острой приглядкой! — Вера Васильевна Исаева походила на рабочего среди обступивших ее глыб зеленоватой глины. В мастерской было сумрачно: половина стекол заменена фанерой,— дыхание клубилось паром, но покрасневшие от холода руки скульптора уверенно срезали пласты глины, обнажая форму, и, как чудо, выступала из-под ее резца фигура рослой, сильной девушки с энергичным и нежным лицом. А за обындевелыми стенами мастерской жил своей трудной, голодной жизнью осажденный город...

— Думаете, мечта дистрофика? — угадав мою мысль, усмехнулась Исаева. — Нет! Я вижу, какие мы стали. Вглядываюсь в лица, в походку, в движения истощенных людей. Скульптурно очень! Пробовала лепить их... Но не могу, хоть убейте, не могу! Силы в них мало, а я их чувствую очень сильными. Такая силища, что не одолеть! А раз чувствую, хочется лепить именно это: силу, молодость, жизнь. Может, потому, что верю: всё вернем, всё будет. Эти самые люди победят!

Эти самые люди победили!

И вот уже двадцатилетие ленинградской победы.

Нелегко она далась, наша небывалая победа. Много сильных и выносливых покоится под строгими гранитными плитами блокадного мемориального кладбища, и последняя работа Веры Исаевой — могучая фигура Матери-Родины, все помнящей и обо всех скорбящей, осеняет их своим вечным благословением. Где бы ни был похоронен ленинградец, мы чувствуем, что все под одной из плит с суровыми датами: 1941, 1942, 1943, 1944...

Эти даты оживляют в памяти события трагически страшные. Сколько жизней оборвано навсегда! Возникают лица, лица, лица... Но странно: сквозь маску голодного изнеможения (этого не забудет никто, кто был в Ленинграде 1941—1942 года!) проступает та самая несокрушимая силища, которую провидел глаз художника, которую воспел наш блокадный поэт:

Да здравствует суровый и спокойный,
глядевший смерти в самое лицо,
удушливое вынесший кольцо
как Человек,
как Труженик,
как Воин.

Разыскать тех, о ком писали в дни блокады, вспомнить с ними прошлое и заглянуть в их настоящее? Поначалу это показалось не только очень интересным, но и легким. Но как же это оказалось нелегко!

Была в нашей работе тех лет одна особенность: враг стоял у околицы, его глаза и уши неотрывно следили за нами, его снаряды и бомбы нащупывали каждый очаг жизни, и поэтому мы даже в записных книжках не упоминали ни названий заводов и учреждений, ни адресов. Все в памяти. А прошло двадцать лет...

Конструктор Яковлев? Ну, конечно, два года назад поздравляла с Ленинской премией! Машинист Елисеев? Летчик Мациевич? Железнодорожники и летчики не расстаются со своей профессией.

Но вот партизаны, те, кто в тылу у немцев собирал продовольствие для голодающих ленинградцев и обозом провозил его через фронт... Мне посчастливилось ездить с нашими дорогими гостями и по городу и «на околицу» — на передний край. Но в моих блокнотах имена без фамилий, без адресов: Тося, дед, Михаил. Не то что записывать, спрашивать не полагалось: ведь люди возвращаются туда. Только один партизан никак не был зашифрован — Александр Георгиевич Поруценко, «председатель Советской власти» партизанского края: «Все равно немцы знают». Это о нем я написала рассказ «Хозяин» — рассказ о человеке, которому приходится взрывать те самые мосты и дороги, сжигать те самые дома, которые он когда-то строил. Где-то он теперь? И уцелел ли? Только в последний день, когда я дописывала этот очерк, удалось узнать: уцелел! Провоевал всю войну, командовал партизанской бригадой, что крошила немецкие тылы и пробивалась на соединение с нашими войсками в январе 1944 года. После войны восстанавливал свой район, а теперь занят наимирнейшим трудом — директор молокозавода на Псковщине. А на страже этого труда стоят два его сына — офицеры Советской Армии.

Поколение, выросшее на войне!.. Я хорошо помню шестнадцатилетнего Жоржика Силаева, прозванного на Металлическом заводе «королем мотористов». Он так ослаб от голода, что не мог ни отвернуть, ни завернуть гайку. Лежа на танке, Жоржик указывал танкистам, что надо сделать, и танкисты орудовали ключами. А «король мотористов» находил неисправность в танковом моторе и устранял ее с недетским умением.

В октябрьские дни 1943 года Жоржик выступал по радио в большой передаче «На страну», как один из лучших комсомольцев осажденного города. Жоржик был скромен, застенчив, но, рассказывая, увлекся, и в голосе прорвался мальчишеский восторг:

— С танками пришли к нам и танкисты, как скинули полушубки — смотрю: вся гр-рудь в орденах, а лет им по двадцать, двадцать два!..

Очень хотелось Жоржику ударить с ними на фронт! Но танкисты «прокатили» его через город на броне — и все. Подрастай, парень, еще успеешь повоевать!

Теперь я пошла по следам Жоржика Силаева. Да, помнят такого на Металлическом. Подростком был, а заслужил и уважение и любовь. Только оказалось, пришел он с Ижорского завода, когда Колпино превратилось в передний край фронта. Первая неделя войны была и первой неделей его трудового стажа, а последний день, как говорят, он провел на фронте. С бригадой Ижорского завода выехал под Пулково ремонтировать танки на поле боя. Там и погиб под огнем. Верно ли это, никто точно не знает.

Обидно мне стало. Как же коротка наша память, как мы забываем имена своих героев!

А ведь надо бы запомнить и почтить каждого, кто прошел испытание 900-дневного городского боя «как Человек, как Труженик, как Воин». В том и силища, и гордость, и слава Ленинграда, что подвиг его горожан был массовым. По-настоящему массовым. И сотни тысяч его героев наравне с воинами фронта и флота заслужили низкий-низкий поклон ото всех, ради кого они отстояли город, заслонив его собою.

* * *

Прямым попаданием снаряда была выведена из строя паровая турбина на 1-й ГЭС, что на Обводном канале. В осажденном городе каждый киловатт энергии был драго-

ценен. Три комиссии выезжали на станцию, горестно вздыхали и давали заключение: «Отремонтировать невозможно». А турбина была необходима.

Конструктора Анатолия Михайловича Яковлева попросили: «Поезжайте и посмотрите». От него ничего не требовали, просто сделали последнюю попытку — подобные машины были делом жизни Яковлева. Если и он не сможет...

Яковлев поехал и остался один на один с машиной. Некоторые разрушения были исправимы, но крышка цилиндра напоминала развороченную броню танка. И ее не заменишь другою: одна отливка для нее весит больше 25 тонн, обработка займет около года, да и делать сейчас ее негде и некому. Но именно поэтому отказываться нельзя.

— Попробуем отремонтировать,— сказал Яковлев. Идея, родившаяся у него в мозгу возле разбитой машины, была крайне дерзка и рискованна, но что делать, когда город и завод в бою?

Крышку привезли на завод. Все турбинщики сбежались к ней, испуганно и недоверчиво косились на Яковлева: да что он, с ума сошел? Отремонтировать вот это?!

Директор предоставил Яковлеву полную свободу и неограниченные права. Инженер подобрал себе группу самых квалифицированных работников: опытнейшего мастера Степанова, золотых рабочих-умельцев кузнеца Драченова, слесарей Иванова и Павлова, электросварщика Усанова. Работали без чертежей: делать чертежи некогда. Яковлев набросал «принципиальный технологический процесс», но и он по ходу работ не раз изменялся и совершенствовался. Работали на полном доверии друг к другу и с одним желанием: сделать хорошо и быстро. И сделали. Сделали за полтора месяца почти круглосуточной, немыслимо напряженной, но все же счастливой работы, когда мысль инженера и мастерство рабочих становились искусством.

Осенью 1943 года мы беседовали с Анатолием Михайловичем в неотапливаемой передней, превращенной в столовую и имевшей незаменимое достоинство: нет окон, опасно лишь прямое попадание, а воздушная волна и осколки стекла не грозят. И Яковлев говорил о том, что он боится только одного — отстать технически...

И вот прошли годы, и мы снова беседуем с Анатолием Михайловичем о военных днях и о том, что было после. А было многое. Нет, не отстал Яковлев. Вернулся к конструкторской работе, обогащенный тем духовным опытом, что не заменяет, но оплодотворяет опыт технический. Сам он, конечно, говорит об этом проще: «Наверстал». Наверстал и пошел дальше: задания усложнялись, после войны завод приступил к созданию турбин намного более мощных — в 50 000 киловатт, потом в 100 000, в 200 000 киловатт. В 1963 году за «двухсоттысячную» руководитель проекта Яковлев и группа его товарищей получили Ленинскую премию.

— А та, отремонтированная, долго служила?

— Представьте, и сейчас работает старушка!

С увлечением человека, влюбленного в свое дело, он рассказывал о главнейших проблемах турбостроения, связанных с новыми скоростями, давлениями и температурами, и о своей нынешней работе начальника Бюро надежности и проверки турбин в эксплуатации.

— Бюро надежности?..

Я понимаю, что в этом бюро занимаются проблемами технической выносливости машин, но название — начальник Бюро надежности — удивительно подходит к этому человеку: сам он на редкость надежный — не подведет!

* * *

В тот год каждый летчик вылетал много раз в день и принимал бой один против трех, против двадцати, против ста — сколько бы их ни было, «юнкерсов» и «мессеров»,— лишь бы защитить Ленинград.

В неравном бою летчик Алиев сбил два самолета противника и был многократно ранен. Истекая кровью, теряя сознание, он последним усилием воли довел свою израненную машину до аэродрома и посадил ее на три точки, как надо,— но когда товарищи подбежали к самолету, Алиев был мертв...

4 апреля 1942 года под вечер немцы предприняли массированный налет на Ленинград. В этот час дневные истребители уже отлетались, а «ночники» только прогревали моторы. Немцы блокировали аэродром — успели взлететь всего четыре машины, им и пришлось принять бой со 125 немецкими самолетами. Каждый из них сбил по бомбардировщику. Преследуя подбитый «юнкерс», Василий Мациевич был сам подбит и посадил самолет на прибрежную льдину возле нынешнего стадиона имени Кирова. Зенитчики отогнали немцев, пытавшихся добить летчика и самолет с уже известным им номером «14». Самолет быстро залатали, починили — и советский ас снова появился в воздухе.

Недавно в газетах появились фотографии и сообщения о 25-летии гвардейской авиачасти, прославившейся при защите Ленинграда. В этой части вырос космонавт Герман Титов. В этой части с начала и до конца войны воевал, а в последние годы войны и командовал ею Василий Мациевич, Герой Советского Союза, ныне гвардии полковник.

Мы вспоминаем минувшие дни, я прошу Василия Антоновича рассказать о ночных штурмовках и свободной «охоте». А Василий Антонович все переводит разговор на других:

— Дима Оскаленко — вот был чудесный парень! Он летал моим ведомым, в самом тяжелом бою оглянешься — Дима идет за тобой, прикрывает. Славный такой и пел хорошо! Когда нам бывало очень тяжело, мы к пианино идем, я играю, а Дима поет. Он даже песни сочинял.

И Мациевич напевает одну из этих песен:

Взлетели три «чайки» на трассу,
Внизу голубеет Нева...

— После полетов мы получали свои фронтовые сто граммов, и тост был всегда один и тот же: «За завтрашний ужин!» И часто случалось, что завтра кого-то уже нет. Вот и Дима Оскаленко...
Представили его к званию Героя Советского Союза при жизни, а утвердили уже посмертно.

Мациевич перечисляет особенно отличившихся летчиков своей части — Литаврин, Щербина, Георгий Петров — и летчиков других полков, чьи имена стали родными для ленинградцев,— Покрышев, Карпов, Пилютов, Савушкин, Жидов, Шишкань...

— Насмерть стояли...

Я спрашиваю о знаменитой штурмовке, когда Мациевичу удалось взорвать тяжелое орудие, которое вело огонь по городу, так называемую «Берту».

— Было...— Мациевич щурится и молчит. По его лицу проходит как бы отблеск тех событий, но говорить он начинает о другом: — Тогда что было важно? У немцев в первый период войны самолетов было гораздо больше, мы несли тяжелые потери. У молодых летчиков появилось настроение: мол, все мы смертники. Надо было развеять это, показать, что немцев бить можно. А как? Внезапностью, тактической грамотностью и спокойствием. Обязательно спокойствием. Растеряешься, поведешь себя опрометчиво, ну и собьют. Учить надо было личным примером. Выходишь ночью на свободную «охоту», сразу набираешь высоту, а потом на убранном газе планируешь над территорией, занятой врагом, ищешь их колонны, эшелоны, батареи. Однажды партизаны сообщили по радио, что немцы подтягивают новые войска. И вот обнаруживаю большую колонну автомашин с войсками в лесу между Вырицей и Тосно. Зимой это было, колонна видна хорошо, и деваться им некуда — лес. Удалось взорвать головную машину, потом сделал заход и взорвал заднюю, вернулся к себе, поднял своих летчиков, пошли штурмовать эту колонну пушками и бомбами, по два вылета сделали. Днем слетали посмотреть — груда обломков...

А с «Бертой» вышло так: долго не могли ее «засечь». Я поднимался на крышу землянки и часами наблюдал за вспышками: откуда она бьет? Примерно определил, подвесил себе хороший боезапас, над аэродромом набрал высоту и пошел в ту сторону. Планирую, уже высоту теряю, а новой вспышки нет и нет, хоть уходи ни с чем. И вдруг почти подо мной яркая вспышка залпа и — все как на ладони. Двадцать лет прошло, но отпечаталось в памяти, как на фотографии: остов разрушенного дома без крыши, внутри огромная пушка и по двум узкоколейкам фрицы подкатывают тележки со снарядами. Я — через крыло (Мациевич привычно повторил рукой движение самолета) и весь свой груз — разом. Такой взрыв ахнул, что я испугался: высота у меня 40—50 метров, осколки вокруг — светящимся веером. Сделал разворот, на фоне пламени вижу: фрицы растаскивают боезапас. Вторично зашел — из пушек. Зенитчики открыли бешеный огонь. А у меня душа так возрадовалась, что сделал третий заход и, не подымаясь, прямо над их головами — бреющим, на лед. Они освещают, а стрелять им неудобно, по световой дорожке ушел. Здорово получилось.

Он помолчал, улыбнулся каким-то воспоминаниям.

— На молодежь это хорошо действовало. Не ждать перелома, а самому искать и создавать победу — это в войне главное.

* * *

Эту женщину я пыталась найти несколько лет назад, а она «не находилась» ни по прежнему адресу, ни через справочное. И вдруг обнаружилась под новой фамилией в новом районе Ленинграда, как раз там, где в блокаду проходил передний край фронта. В новом доме с широкими окнами, вбирающими все сияние солнца и неба,— счастливая жена и счастливая мать двух детей, мастер-обходчик теплосети, коммунистка с уже солидным стажем, около двадцати лет...

Я приглядываюсь к ее милому лицу зрелой женщины, освещенному спокойствием и добротой, и только иногда в случайном повороте или выражении узнаю суровые и энергичные черты той худенькой девочки, что однажды пришла ко мне из мороза и тьмы и сказала:

— Я Вера Щекина, меня к вам послали.

Тогда о ней еще никто не писал в газетах, но в нескольких кварталах города эту девочку знали все. Знали, звали, ждали: «Где наша Вера? Когда придет Вера?» И Вера приходила. Кому-то принесет воды, кого-то свезет в больницу, тут согреет и обмоет больную, там выкупит по карточкам хлеб, потому что вся семья слегла... Ее должность в городе бедствий была проста и удивительна: приходить на помощь всем, кому помощь нужна, оставаться сильной, даже когда сил больше нет, не бояться, как бы ни было страшно.

Дочь слесаря Кировского завода, ученица электромеханика на заводе «Эталон», семнадцатилетняя комсомолка Вера Щекина с первых дней войны рвалась на фронт. Ее не пустили — молода. Пошла на курсы Красного Креста, но и после курсов ее на фронт не послали — молода! Даже сандружина поначалу не посылала ее на серьезные задания... Но бомбежки становились все чаще. И настал ее час. В темноте, сквозь дым и пыль увидела Вера «очаг поражения» — громадный жилой дом, вмещавший в себя сотни мирных домашних очагов. Стены обвалились, над пропастью висели углы будто срезанных комнат, качались расщепленные балки. Убитые, раненые, засыпанные обвалом люди... Вера перевязала и отправила в больницу семнадцать раненых. Потом вместе с прибежавшими на помощь женщинами и подростками откапывала вход в засыпанное бомбоубежище, оттаскивала бревна и кирпичи, орудовала ломом: там, в подвале, люди. Вентиляцию засыпало, они задыхаются — скорее, скорее! Вода из прорванных труб заливает подвал — еще скорее, еще!.. В четыре часа утра Вера меркнущими глазами увидела то, чего не забудешь до конца жизни: обезумевших людей, хватающих воздух ртом, детишек, поднятых на все возвышения в полузатопленном подвале...

Когда всех вывели и вынесли, всем оказали помощь, у самой Веры подкашивались ноги. Но в верхних этажах разбитого дома могли быть раненые или оглушенные, и три дру-

жинницы поползли наверх по шатающейся, полуобвалившейся лестнице. Одна девушка сорвалась. Вторую придавило балкой. Вера оказала помощь подругам и... поползла наверх одна. Именно в тот час она поняла, что здесь тоже фронт. И она боец.

В декабре, в самые страшные дни той, первой зимы, поздно вечером за Верой пришли: в одном из «ее» домов, в квартире четвертого этажа, никто не откликается, не выходит за водой и хлебом. А там ребенок. «Пойдем!» Вера собрала у подруг несколько спичек и пошла. Дворник наотрез отказался подняться с нею: «Что хочешь делай — боюсь». Жильцы тоже отказались: страшно. Вера отвернулась от них и пошла одна. Черная-черная лестница. Тишина. Страшнее, чем обстрел, было это восхождение. Одну спичку пришлось потратить, чтобы найти нужную дверь и открыть ее ключом, вторую — чтоб осмотреться в длинном коридоре мертвой квартиры. Дальше побрела на ощупь. Споткнулась обо что-то и чиркнула спичкой — труп, зашитый в холстину. Вскрикнула, попятилась. И вдруг услышала слабый детский писк. Перешагнула через труп и пошла на этот писк. Спичек оставалось всего три — блокадных, фанерных. Когда она нашла на кухне на столе ребенка, заваленного каким-то хламом, оставалась одна спичка. Ее пришлось истратить, чтобы закутать ребенка поплотнее. Как она шла обратно в полном мраке, снова перешагнув через труп, и потом по черной-черной лестнице и по морозным улицам? В казарме дружины Вера положила ребенка на свою койку, села рядом и на расспросы подруг прошептала: «Не спрашивайте».

В ту лютую зиму Вера спасла 39 детей. Семерым из них дали ее фамилию, а девочкам и ее имя: установить их настоящие имена и фамилии не удалось.

Спасенных детишек она отогревала своим телом, кормила своим хлебом — а весь ее паек невесомо лежал на ладони! — потом сдавала в детский дом. Детские дома партию за партией отправляли детишек в автобусах по Ладоге на «Большую землю».

— Что вы знаете о «своих» ребятах, Вера Ивановна?

— Почти ничего. Когда запрашивали родственники, мы сообщали все приметы и дату отправки. Одна девчурка помнила, что папа на фронте, а маму звали Шурой. По этим приметам майор Петунов нашел свою дочку. Прислал телеграмму с благодарностью. Очень я была счастлива.

* * *

Прошлой весной я подлетала к Ленинграду ясным, безоблачным утром, и земля была видна отчетливо, что случается редко: нынешние лайнеры летят над облаками. За окном возникали и уходили под крыло болотистые низины, леса, торфяные карьеры, поселки. Заблестел на солнце голубой разлив воды, и желтая полоска берега, врезавшись в него острым мысом, прихотливо изогнулась крутой петлей. И вдруг, будто колокол громкого боя, ударило в сердце: Ладога! Именно здесь проходила «Дорога жизни».

Следы войны давно стерлись, но кратчайший путь от мыса к ленинградскому берегу в верхнем сужении крутой петли угадывался ясно. Виднелись прибрежные селения с причалами, разветвления рельсов, проложенных, наверно, в ту зиму. Вдоль берега озера протянулась ниточка старого канала, желтеет полуосыпавшаяся насыпь, а вокруг нее — темные кружки с поблескивающей водой... воронки от снарядов и бомб. Да это же тот самый «коридор смерти»! Тот опаснейший участок временной железной дороги, что была проложена по отбитой у врага узкой прибрежной полоске вдоль Ладоги — к Волхову. Многих усилий и жертв он стоил, этот «коридор», но выручил Ленинград и приблизил его победу! А вот эти высотки и карьеры — они были еще в руках врага, отсюда немецкие батареи обстреливали весь перегон прямой наводкой. И поезда шли только ночью, «на цыпочках» — без огней, с закрытым поддувалом и с плотной сеткой на трубе, чтоб ни искорки!..

В войну я писала о многих ленинградских железнодорожниках, о тех, кто под огнем доставлял в Ленинград хлеб и уголь, кто, обливаясь кровью от осколочных ранений, все же не отходил от реверса, кто не знал слова «нельзя», если говорили н у ж н о...

Где они теперь, машинисты, проводники, кочегары? Кто уцелел, кто ушел на покой, как работается старым паровозникам в наши дни, когда на смену паровозу приходят тепловозы и электровозы? Нельзя ли собрать их всех вместе, героев ленинградской обороны?

Список тех, кого мне хотелось увидеть, был длинным, а собралось всего несколько человек. Некоторые погибли в последние месяцы войны, кое-кто ушел на пенсию, но большинство отсутствовавших оказались в рейсах, на дежурствах. И очень радостно было, что блокадные машинисты и теперь не отстают: смело взялись изучать новую технику, перешли на тепловозы и по сей день водят пассажирские и товарные поезда.

Целый вечер рассказывали, вспоминали. Даже беглая запись составила десятки страниц, а перечислить все имена и подвиги, заслуживающие благодарности и восхищения, почти невозможно — как и во всем Ленинграде, подвиг железнодорожников был массовым. И я вынуждена рассказать здесь лишь о немногом из многого.

...Итак, узкая полоска земли вдоль южной бухты Ладожского озера и одинокая нитка рельсов, на скорую руку проложенных по болотистому грунту к станции Волхов, где сосредоточивались грузы для сражающегося Ленинграда — недаром немцы сбросили на эту станцию 19 800 бомб! Весь страдный путь по этой дороге не больше 75 километров. Но на этом небольшом участке — самый опасный перегон в 30 километров — «коридор смерти». Он в трех-четырех километрах от врага, на виду у немецких батарей.

Машинисты, водившие там поезда в составе знаменитой колонны № 48, теперь немолодые, почтенные, орденоносные люди. А в начале войны они были комсомольцами. Как все ленинградцы, они ослабели от голода и ходили, опираясь на палочки. Но к ним обратился комсомол: электростанциям нужен торф и уголь, нужно оживить обледенелые машины и создать комсомольские паровозные бригады! Машинисты Елисеев, Еледин, Беляев и другие пошли выполнять комсомольское задание. С пассажирской скоростью водили составы с торфом прямо к прожорливым топкам электростанций. Водили составы теплушек с эвакуированными на берег Ладоги, к «Дороге жизни». Там брали продовольствие и скорее, скорее в Ленинград, потому что запасы хлеба в городе — на один день...

В январе 1943 года наши войска прорвали блокаду вот тут, у Ладоги. Строить настоящее полотно было некогда, прокладывали рельсы по болоту. Весной, бывало, вели состав по колеса в воде, путевые рабочие сами себя прозвали «водяными чертями»...

— Мы ездили тогда, можно сказать, с полным нарушением правил технической эксплуатации,— рассказывает Василий Михайлович Елисеев, Герой Социалистического Труда. Ныне он инженер и начальник депо, а в войну первый машинист комсомольского паровоза. — Одна колея, составы шли «пачками», по 12—16 поездов, гуськом, друг за другом. Ездили только «по хвостам» — у идущего впереди три красных огонька на «хвосте», идешь за ним, стараешься не врезаться, если у него произойдет непредвиденная остановка, и сам не останавливаешься по пустякам, потому что за тобой идет другой состав. А у немцев дорога пристреляна, кладут снаряды справа и слева. Надо бы дать большую скорость, но грунт ненадежный, не разгонишься, и маневрировать скоростями нельзя, потому что впереди и сзади — составы. Как ездили, как уцелели — теперь сам не понимаю. На всю жизнь запомнил один день летом 1943 года: вели мы маршрут бензина в Ленинград. Немецкая разведка, видимо, сработала, и от Волхова нас встретили немецкие самолеты. Что делать? Дымили, пар выпускали, под завесой и шли, а в этом тумане — желтые разрывы со всех сторон. К темноте подошли к тому самому «коридору», там артиллерия подбавила. К счастью, проскочили.

— Однажды в этом же «коридоре смерти», у Полян, нас накрыли очень сильным артогнем,— вспоминает машинист Василий Еледин.— Чувствую, паровозу вдруг стало легко, а ход снижается. Осколки перебили воздушную тормозную магистраль и автосцепку, состав разорвало на две части, на трех платформах еще и буксы разбило. Если вызвать восстановительный поезд — затормозишь надолго движение! Немцы заметили, что у нас что-то случилось, и шпарят вовсю, а мы стоим, все девять человек, и совещаемся, как быть. Сейчас это самому кажется невероятным, но тогда мы кое-как сами по-кустарному восстановили сцепку, заклинили поврежденную колесную пару, чтоб она шла «юзом», а наш вагонный мастер Костя Калашников решил, что можно доехать без букс, если на ходу из масленки поливать оси и струнки — чтоб смягчить трение. «Ты только езжай потише!» Ну, поехали. Состав длинный, в сто осей, растянут на полкилометра, немцы обстреливают, а мы потихоньку тянемся, и Костя на ходу перескакивает с одной платформы на другую, поливает мазутом оси и струнки. И ведь дотянули!..

* * *

Помните слова летчика Мациевича? «Не ждать перелома, а самому искать и создавать победу — это в войне главное». Пожалуй, его слова можно целиком отнести к Ленинграду и ленинградцам. Мы не ждали пассивно, пока нас вызволят, хотя вся страна стремилась нас вызволить как можно скорее. Мы боролись с первого до последнего дня, каждый на своем посту, мы искали и создавали победу.

Счет № 114292

Едва поэт Михаил Дудин выступил с предложением создать героям обороны Ленинграда Монумент Славы, как отовсюду посыпались письма, письма... Со всех концов страны. И денежные переводы. Они идут в Ленинградскую городскую контору Госбанка, на особый счет № 114292, известный сейчас многим. За несколько месяцев поступило уже около двух миллионов рублей.

Эти огромные средства — лепта коллективов и тысяч советских и даже зарубежных граждан — предназначены на сооружение памятника героическим участникам блокады. Каким же он будет?

«Он, как возглас, должен быть обращен к поколениям и устремлен в будущее... Он должен стоять, жить и идти рядом с нами» — так выразила идею памятника ленинградская поэтесса Ольга Берггольц.

Но ведь идею еще надо облечь в художественно впечатляющую форму, в гранит и металл.

Лучшие зодчие и скульпторы страны работают над этой нелегкой задачей, изучают пожелания, высказанные авторами писем.

Надо выбрать и подобающее место для памятника. Называют площадь Революции, Марсово поле, Васильевский остров, Автово, Пулковские высоты... А может быть, создать искусственный остров на Неве, в том месте, откуда «Аврора» дала орудийный сигнал к штурму Зимнего, и поставить монумент там? Никакое предложение не кажется слишком смелым: ведь памятник строит народ, способный творить дела, превосходящие всякое воображение.

О. КАРЫШЕВ

ОГОНЁК

К. ЧЕРЕВКОВ

Город собрал их в особняке с окнами на Неву. Собрал самое дорогое из того, что сберёглось, из того, что ревниво, бережно и долго хранилось. Тетрадь дневника, осколок снаряда, детский рисунок, винтовка ополченца, письмо солдата, партитура симфонии, ковш сталевара, театральная афиша — реликвии тех 900 дней.

Экскурсовод не нужен. Экспонаты сами ведут рассказ, ведут счет дням — от первого до последнего. Рассказ этот строг и скуп. В нем нет прилагательных и эпитетов, в нем имена, поступки, даты. Это боевые донесения живых и тех, кто погиб.

«...Прошу создать танковый экипаж и направить на фронт меня, шесть моих сыновей и двух дочерей: Михаила, Александра, Семена, Анатолия, Николая, Ивана, Анастасию, Клавдию.

Бессонов Николай Никандрович».

Так ушла в первые дни войны из дома на улице Каляева защищать родной город семья ленинградца, участника гражданской войны. Сто шестьдесят тысяч дочерей и сыновей Ленинграда вышли в маршевых ротах на заставы города: кировцы, фрунзенцы, выборжцы...

Полмиллиона ленинградцев возводят оборонительные сооружения: 700 километров траншей, рвов, 5 тысяч дотов и дзотов, тысячи баррикад и завалов.

«...Если на Россию обрушится нашествие, мы встретим врага, как один человек»... Ленинградцы были верны этим словам Владимира Ильича.

Город Ленина принимает бой. 8 сентября 1941 года — первый из 900 дней этого подвига.

Вражеское кольцо все туже. И приходит другой страшный враг — голод.

На чаше весов две небольшие гирьки, сто и двадцать пять граммов. Они сейчас чуть тяжелее усохшего от времени крошечного кусочка хлеба. 125 граммов — с 20 ноября 1941 года блокадная порция ленинградца. Пятьдесят процентов испорченной ржаной муки, пятнадцать процентов целлюлозы, солод, жмых — вот из чего выпечен этот кусочек хлеба, который получал ленинградец на весь холодный блокадный день, на всю долгую, озаренную всполохами бомбежек блокадную ночь.

Пожалуй, еще никогда человек не боролся так упорно с голодом, со смертью... Сборник рецептов и рисунки кормовых трав, которые шли в блокадную пищу. Гербарий кормовых трав, рекомендованных учеными ботанического сада. Супы, пюре, соусы, лепешки из крапивы — жгучей и обыкновенной. Лебеда — квашеная и сушеная. Котлеты из клевера и мокрицы. Салат из одуванчиков, супы из одуванчиков, соус из одуванчиков...

Их сняли с текстильных машин на фабриках «Рабочий» и имени Ногина — сотни деталей, сделанных из свиной кожи. И вот на блокадном столе тридцать две тысячи тарелок супа, десять тысяч котлет, двадцать две тонны студня. Все, что только можно — соевое молоко, белковые дрожжи, травы, столярный клей — все, чтобы не дать голоду победить. Но Ленинград, сражаясь с голодом, платил дорогой ценой. 632 253 ленинградца умерли в страшную пору блокады от недоедания.

Настали месяцы жестокой, методической бомбежки и артиллерийских обстрелов. Фашисты обрушили на кварталы города 257 158 снарядов и бомб. Передний край обороны проходил по каждой улице, у каждого дома, моста, перекрестка. В сражение вступили все: женщины, дети, старики — все, кто остался в осажденном городе.

Маленькие листки, исписанные с обеих сторон детским почерком:

«Только что появились истребители — один сбит. Я стоял в это время под воротами. Очень часто теперь слышна стрельба в городе...

Пишу тебе с чердака. Нахожусь на дежурстве. Прости — тороплюсь, нужно обойти еще весь чердак. Как твое самочувствие? Целую.

...Папочка! Грустно видеть места, знакомые с раннего детства, разрушенные бомбами и снарядами. Фашистские людоеды свирепствуют. С нетерпением ждем, когда немцев отбросят от нашего города и мы поедем к тебе в Вологду — в госпиталь. Дома все в порядке. Вчера сбросил с чердака остатки двух зажигательных бомб.

...Папочка! У нас зима. Выпало много снегу. Небо хмурое. Я раздобыл печку-буржуйку, во время дежурства на чердаке варим обед. Вчера ходил к Тамаре — она живет в бомбоубежище Казанского собора. Павел Иванович на казарменном положении, стоит у дыры, пробитой фугасной бомбой в стене Мариинского театра. Николай Андреевич — в истребительном батальоне. Я дежурю на чердаке. Пока до свидания.

...Вчера днем фашистские самолеты сбросили фугаски в центре города. Разрушено несколько домов. Во время бомбежки я был в нижнем этаже. Воздушной волной меня отбросило к стенке. Но ничего. Все мы, вместе с домом, целы. До свидания.

...Мне передали твое письмо от седьмого ноября. Ты пишешь, что встретил праздник с булочками. Мы в этот день съели по три лепешки из дуранды, по две печеных картошины, выпили по стакану вина. Ну ничего. Следующий

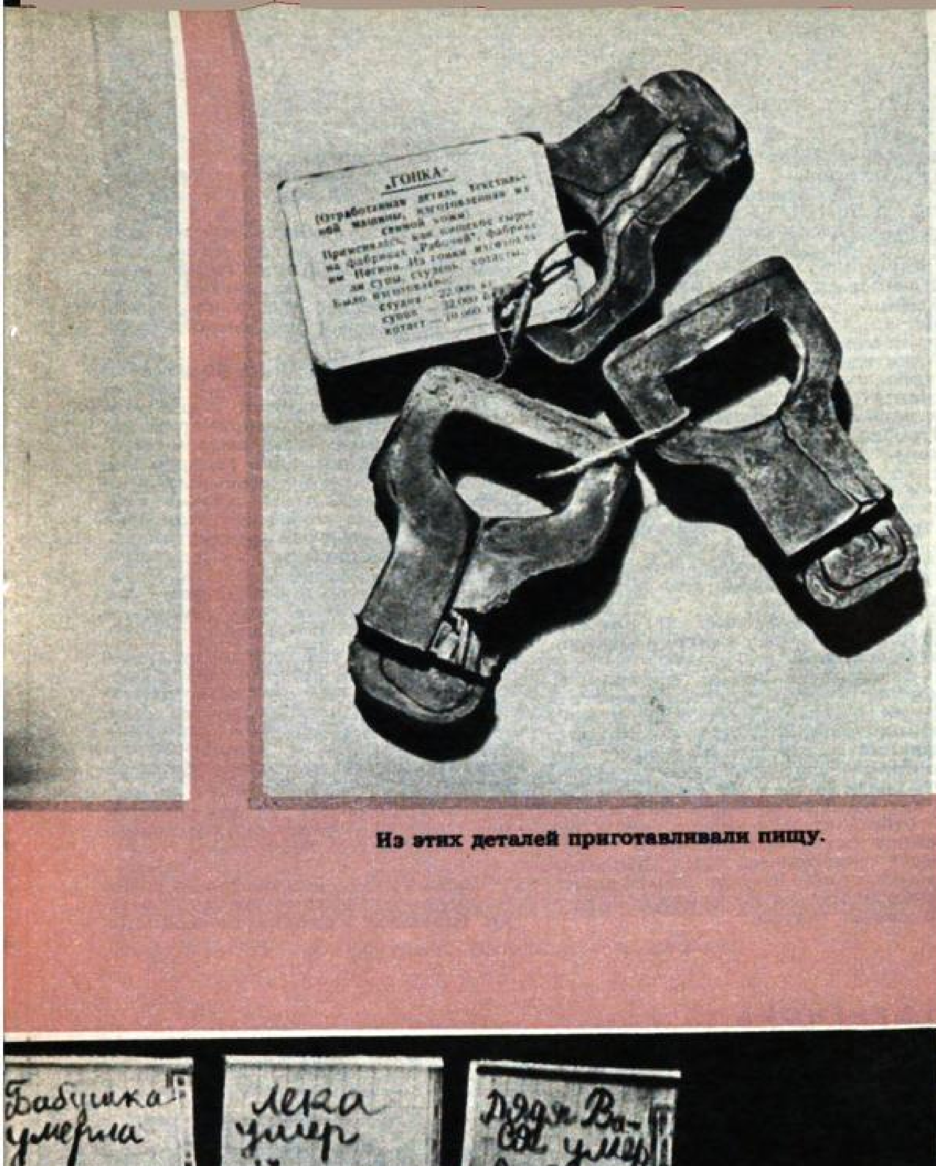

Блокадная порция хлеба.

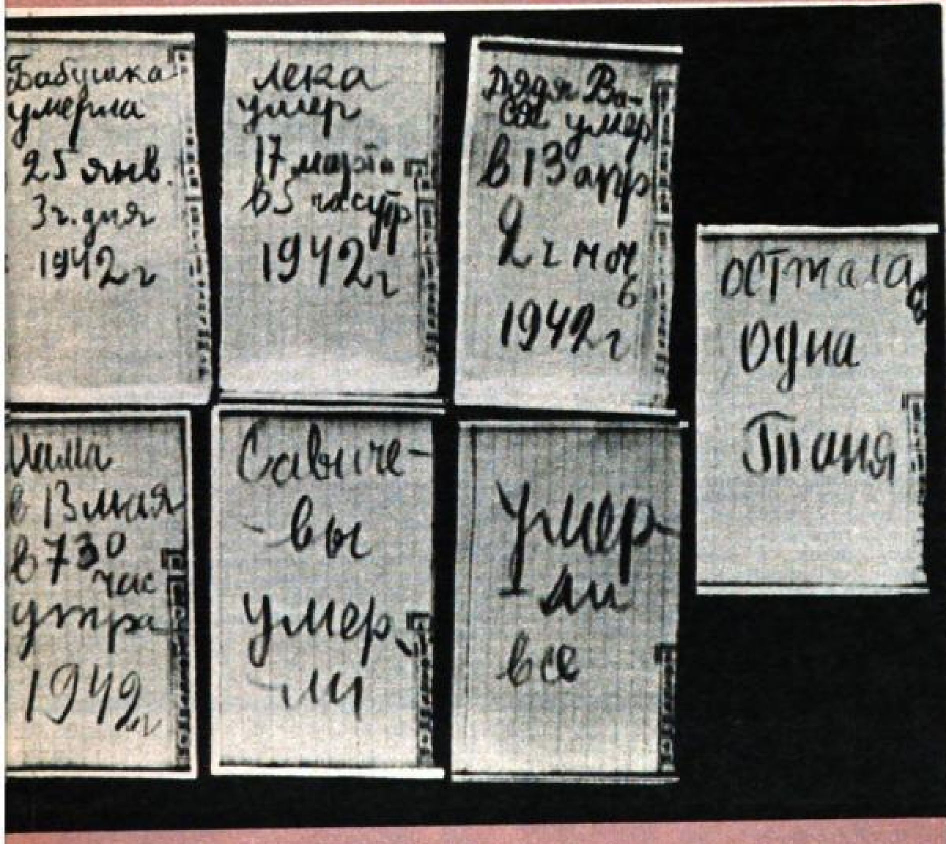

Таня Савичева и странички ее дневника.

Из этих деталей приготавливали пищу.

СЯЧЕЛЕТИЯ

О ДНЕЙ

праздник я надеюсь встретить с тобой и так, как раньше. Жду с нетерпением твоего приезда. Думаю, таких инвалидов, как ты, на фронт не пошлют...

...У нас большое несчастье... В ночь с 29 на 30 декабря, не дожив до нового года, умерла от истощения мамочка. Проклятые фашисты. Слезами и истерикой, конечно, делу не поможешь. Нужно твердо смотреть вперед. Предстоит еще много испытаний. За меня не беспокойся, я крепок духом. Ни смерть матери, ни голод, ни налеты с воздуха не сломят меня. Когда немецкие банды будут разбиты, мы еще увидимся с тобой и заживем новой, хорошей жизнью. Да, это будет в недалеком будущем. Целую, твой сын Жоржик».

Не сбылась мечта Жоржа Рождественского. Поднявшись неспокойным мартовским вечером на крышу дома, он был ранен осколком бомбы. Он сумел спуститься с крыши, добрался до санпоста и упал, успев сказать: «Я ранен...»

И вот мы в той самой квартире, откуда отважный пионер Рождественский писал письма отцу, откуда он уходил на боевую вышку дома.

— На один день опоздал я,— рассказывает Евгений Петрович Рождественский.— С трудом удалось вырваться из госпиталя, перебраться по «Дороге жизни». Жоржа уже накануне похоронили в братской могиле героев.

...Дети тушили «зажигалки», разносили письма, навещали ослабевших, таскали воду, вылавливали лазутчиков и ходили, как и до войны, в школу.

Когда нарком просвещения Потемкин узнал о том, что весной 1942 года в Ленинграде пройдут выпускные экзамены, он усомнился: возможно ли это? В Ленинград прислали члена коллегии Наркомпроса. Десятиклассники держали экзамены.

Скромный, напечатанный на машинке пригласительный билет на имя выпускницы Лидии Дмитриевны Васильевой. Их было всего около четырехсот, юношей и девушек, собравшихся июньским вечером в Летнем театре Сада отдыха на традиционный вечер. 250 из них осенью стали студентами 2-го Медицинского института — единственного в ту пору высшего учебного заведения в городе. Они и сейчас не теряют друг друга. Всем им дорога память о тех суровых днях, когда они начали свой большой жизненный путь. Кандидатом медицинских наук стала Лидия Васильева, главным врачом Невской больницы — ее подруга Елизавета Макарова...

В музее хранится крохотная алфавитная книжечка Тани Савичевой. В дни блокады она сделала в ней девять записей. Последнюю — на букву «У»: «Умерли все».

Вся страна, миллионы людей земли с восхищением следили за борьбой защитников города на Неве, преклоняясь перед величием их подвига.

«От имени народов Соединенных Штатов Америки я вручаю городу Ленинграду в память о его доблестных воинах и его верных мужчинах, женщинах и детях, которые, будучи изолированными захватчиком от остальной части своего народа и несмотря на постоянные бомбардировки и несказанные страдания от холода, голода и болезни, успешно защищали свой любимый город...»

Это строки из грамоты Ленинграду, грамоты, подписанной президентом США Франклином Д. Рузвельтом.

...Тысячи людей пройдут по залам особняка на Неве, где в строгих музейных экспозициях выставлены реликвии ленинградской эпопеи, всякий раз заново потрясающие человеческое сердце и воображение. Люди прочтут строки из дневников, школьных сочинений, набатные слова плакатов и заглавия книг, напечатанных в осажденном городе миллионными тиражами, они услышат записанный на пленку страстный, живой голос Всеволода Вишневского, увидят диорамы, макеты, воскрешающие облик блокадных улиц и застав, будут вглядываться в фотографии летчиков и снайперов, генералов и ополченцев, рассматривать прибор, которым измерялась прочность льда на ладожской «Дороге жизни», и маленький осколок последнего вражеского снаряда, разорвавшегося 22 января 1944 года на улице города.

Реликвии героической обороны заняли свое место в двенадцати залах Музея истории Ленинграда, музея, который хранит память о славных деяниях города на Неве более чем за четверть тысячелетия. Но 900 осадных дней останутся в жизни Ленинграда как самая нетленная страница небывалого мужества, благородства и героизма.

Лидия Васильева и Елизавета Макарова.

Под грохот канонады

Вс. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Вестовой разбудил меня, потрогав за плечо: «Вас в Политотдел. Срочно!» Тяжел сон после ночного дежурства. Не сразу вошли в сознание низкий потолок блиндажа, слабый огонечек коптилки на сколоченном из фанерных ящиков столе. Я привычно надел шинель, потуже затянул ремни, нагнувшись в дверях, вышел на свежий воздух.

Путь был недалеким. В подвале полуразрушенного дома в низкой сводчатой каморке сидел за столом батальонный комиссар с опухшим от бессонницы лицом. «Вот! — сказал он, протянул мне бумажку.— Это — предписание. Куда, хотите знать? В Ленинград.— И, выдержав некоторую паузу, добавил, неожиданно улыбнувшись: — В распоряжение Государственного Эрмитажа. В двадцать четыре ноль-ноль быть обратно».

Я повернулся по-военному и вышел, не успев даже удивиться. Куда угодно могли послать, но в Эрмитаж!..

При скудном свете пасмурного дня я развернул врученное мне предписание. К нему была приложена слепо отпечатанная на узкой полоске повестка. Из нее выяснилось, что сегодня, 10 декабря 1941 года, в четыре часа дня, в помещении Эрмитажа состоится торжественное заседание, посвященное 500-летию Алишера Навои, великого поэта-гуманиста XV века. Мне предстояло прочесть свои стихотворные переводы.

Навои... Торжественное заседание... И где? В блокированном, голодном и холодном, находящемся под обстрелом врага Ленинграде!

Сборы были недолги, да и дорога не столь уж длинна: фронт проходил тогда совсем близко от городских окраин.

До Обводного канала я добрался на какой-то попутной полуторке, а там уж пришлось идти пешком: трамваев не было.

Колючая изморозь висела в воздухе. Солнцу все не удавалось пробиться сквозь взлохмаченные, низко висящие тучи. Казалось, вот-вот пойдет снег.

Я шагал по почти пустынным улицам, вдоль безмолвных домов с забранными фанерой магазинными витринами, с окнами, перекрещенными узенькими бумажными лентами. Со стороны Пулкова время от времени ухали тяжелые, полузаглушенные удары, затем слышался тонкий продолжительный свист, и чуть спустя вновь ухал уже более тяжелый и близкий удар, на этот раз где-то в самом городе.

Шел обычный дневной обстрел.

Вот уже Невский, пустой, онемевший. По Садовой, мимо мрачной громады Инженерного замка, мимо редких, обнаженных деревьев Летнего сада я вышел на показавшуюся бесконечно оголенной пустыню Марсова поля. То тут, то там бугрились на ней землянки зенитчиков, и тонкие стволы орудий торчком глядели в затянутое туманом ленинградское небо...

В довольно просторной и очень холодной комнате служебного эрмитажного здания окнами на Неву было не так уж много народу.

В плотно закутанных людях, сидевших на беспорядочно расставленных стульях, я не без труда узнавал знакомых: до того изменили их лишения блокадного города. Тут были молодые еще тогда востоковеды М. М. Дьяконов, А. Н. Болдырев, Н. Ф. Лебедев, несколько сотрудников Эрмитажа и, что всего удивительнее, любители поэзии и искусства, бог ведает как добравшиеся сюда с разных концов города, все время подвергающегося обстрелу.

Академик И. А. Орбели, директор Эрмитажа, занял председательское место. Ему предстояло сказать вступительное слово. Скинув подобие какого-то верхнего, сильно обтрепанного одеяния, он остался в ватнике и шарфе, окутывавшем шею. Длинная седеющая борода беспокойно ерзала на его груди. Несколько сутулясь, он предупреждающе поднял костлявую руку. Большие темные глаза его постепенно разгорались по мере того, как он, уже начавший речь, все выше и выше восходил по ступеням взволнованных, увлекавших его самого и слушателей, убедительно живых интонаций. Не помню, конечно, его слов в текстуальной точности, но основной их смысл остался в памяти. Орбели говорил:

— В необычное время, переживаемое нашим городом и всей Советской страной, в невероятной обстановке собрались мы, чтобы отметить замечательную дату в культурной истории Ближнего Востока, вспомнить древнейшее, оставшееся бессмертным имя великого поэта и просветителя Алишера Навои. Уже один этот факт чествования поэта в Ленинграде, осажденном, обреченном на страдания от голода и надвигающейся стужи, в городе, который враги считают уже мертвым и обескровленным, еще раз свидетельствует о мужественном духе нашего народа, о его несломленной воле, о вечно живом, гуманном сердце советской науки!..

В эту минуту мощный, глухой удар, заставивший содрогнуться воздух и задребезжать стекла, ухнул где-то, казалось, совсем близко. Все бросились к окнам. Почти сразу же грянул второй удар, и на Неве взметнулся, рассыпая брызги и осколки льда, водяной столб. Фашисты обстреливали невские мосты.

— Спокойно, товарищи! — произнес, почти не повышая голоса, Орбели.— Заседание продолжается.

И все уселись на прежние места, хотя многим хотелось поскорее спуститься в бомбоубежище, под надежные своды старинных эрмитажных подвалов.

И собрание продолжалось. Читались стихи Навои, переведенные поэтами и востоковедами. Звучали они и в оригинале. Древние, вновь ожившие слова, говорящие о мире, о радости жизни, о торжестве человеческого разума над тьмой жестокости и угнетения!

...Когда я шел обратно по уже стемневшему городу, небо не казалось мне столь безнадежно серым и тяжелым. Во всех направлениях перекрещивали его лучи прожекторов. Настороженный Ленинград, бессонный, мужественный, дышал, жил обычной фронтовой и трудовой жизнью. Он уже и тогда был уверен в своей победе.

Иные города после войны стали просторней, богаче, краше. Прелесть Ленинграда и мудрость народа, возродившего город, в том, что он кажется таким же, какой был.

С непередаваемым настроением выходишь из Пушкинского театра вслед за праздничной, живо переговаривающейся публикой и идешь по проспектам и улицам мимо всего того, что величаво и безмолвно воспевает красоту, отвоеванную для жизни и радости...

Отвоеванную, наверное, и теми самыми людьми, которые идут сейчас по Невскому, беззаботно смеясь и болтая, и теми, на кого они, эти люди, только что смотрели в театре. Журбиными. Их династией...

Играть Журбиных, скажем прямо, нелегко. Нелегко по многим причинам.

И книгу знают все. И фильм, поставленный по книге, обошел экраны страны. И был это не просто дежурный фильм, очередная киноиллюстрация крупного произведения прозы, а добрая и умная картина, дополняющая наше представление о каждом Журбине, наполненная глубоким, человечным звучанием.

И все же Леонид Сергеевич Вивьен, отбросив как нечто несущественное все соображения о творческой «вторичности» образов большой семьи Журбиных, решает ставить пьесу Вс. Кочетова и С. Кара в своем театре.

который очень скоро начинает ощущать гармоническую взаимосвязь всех образов многолюдной пьесы.

Заразительно хорош самый воздух спектакля, вся та чистая атмосфера, которой дышат герои. Мягко, ненавязчиво художник И. С. Белицкий вводит нас в их жизнь, отвечая общему решению постановки.

Возле старого домика Журбиных, где-то совсем близко от их родной судоверфи, качаются длинные стволы мачтовых тонконогих сосен. Они уходят макушками высоко в небо, поднимаясь гораздо выше бесчисленных подъемных кранов. Благодаря этим соснам пейзаж, наверное, и обретает, при всей своей подчеркнутой «индустриальности», тот лиризм, ту скрытую певучесть и музыкальность, которые присущи в чем-то самому Ленинграду и заставляют увидеть в Журбиных ленинградцев.

Художник и дальше двумя-тремя ненавязчивыми штрихами с любовью обозначает приметы родного города, высвечивая как бы ненароком то причудливый рисунок балкона, то кусок старинной садовой решетки, то густые купы деревьев у стоянки такси.

И, настроив зал на эту теплую, родную волну, режиссура и художник дают слово Толубееву...

Когда творческая мысль, а затем и реальное воплощение этой мысли большим художником совпада-

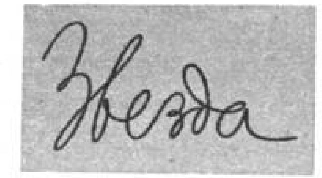
Н. ТОЛЧЕНОВА

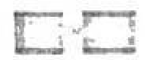
Новая прописка

Заметную фрагментарность, даже отрывочность эпизодов пьесы, которая состоит из 11 картин, разбитых на три действия (а это сейчас «немодно»; драматургическая «мода» требует некой элегантной укороченности: всего лишь двух действий с антрактом посредине), постановщики спектакля Л. С. Вивьен и А. Н. Даусон не только преодолевают, но делают словно единственно возможной формой спектакля. Все эпизоды нерушимо связаны в нем внутренней логикой происходящих событий, развивающихся характеров.

По сравнению с фильмом этот спектакль негромок и порою кажется будто даже камерным. Но он последовательно и неизменно обращен к мысли и чувству зрителя,

ют, то в искусстве театра происходит нечто поразительное. Глядя на артиста в роли, люди испытывают странное чувство УЗНАВАНИЯ. Им кажется, что они встретились с человеком, которого всегда хорошо знали или же догадывались о его существовании, но вот только теперь получили возможность познакомиться с ним как следует, детально разобраться во всех свойствах его натуры. Чем ближе присматриваются зрители к этому человеку, изображаемому столь ярко искусством театра, тем больше находят в нем таких черт, которые, оказывается, есть у них самих либо у близких знакомых, только почему-то раньше они не умели заметить их так отчетливо, понять их так глубоко.

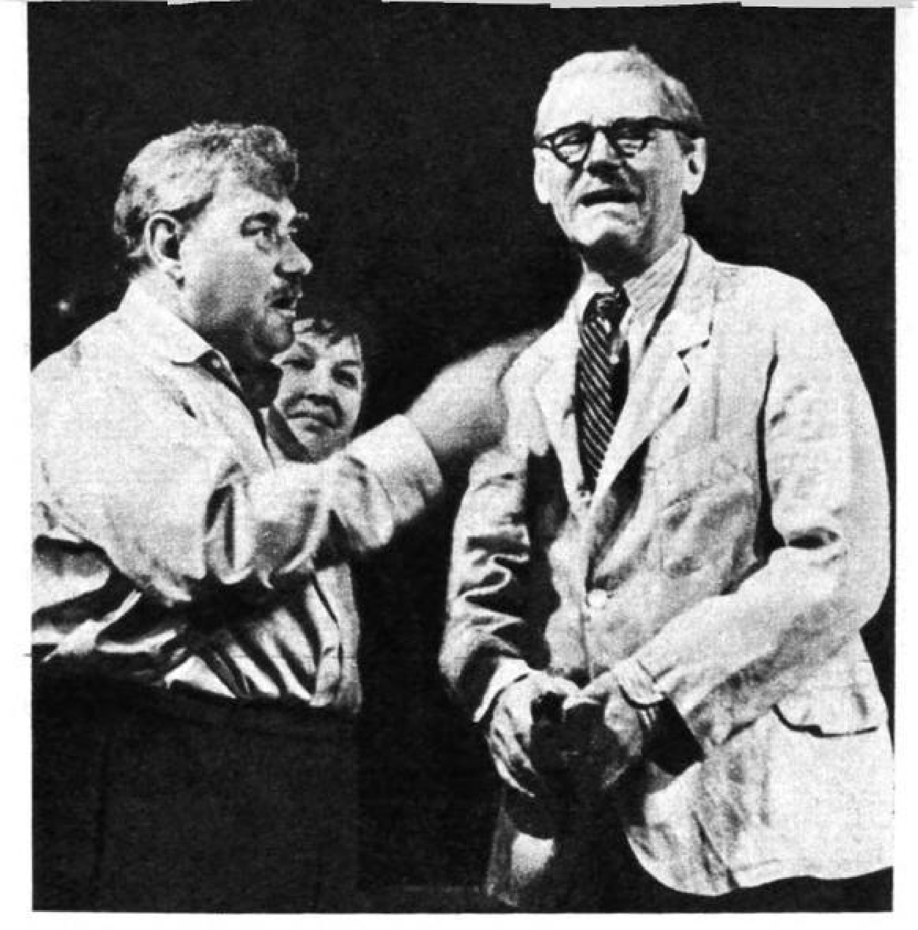
Сорок лет назад, в январе 1924 года, в Петрограде вышел первый номер литературно-художественного и общественно-политического журнала «Звезда». Это было большое событие в культурной жизни Петрограда и всей страны.

В первом же номере «Звезды» опубликована работа Владимира Ильича Ленина «О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме».

На страницах «Звезды» впервые увидели свет третья книга эпопеи «Жизнь Клима Самгина» М. Горького, романы «Города и годы», «Братья» и «Похищение Европы» К. Федина, третья книга романа А. Толстого «Петр Первый» и главы из романа «Хмурое утро».

Многие произведения Б. Лавренева, Н. Тихонова, Н. Никитина, В. Саянова, М. Слонимского опубликованы в «Звезде». По страницам журнала можно проследить творческий путь Ольги Форш; здесь напечатаны «Смерть Вазир-Мухтара» Ю. Тынянова, «Емельян Пугачев» В. Шишкова, «Гулящие люди» А. Чапыгина, «Тяжелый дивизион» А. Лебеденко.

В первые дни войны с немецкими захватчиками многие ленинградские писатели ушли на фронт. Журнал в те годы набирался в типографии порой при свете керосиновых ламп и коптилок, под грохот артиллерийской канонады, печатался чуть ли не на оберточной бумаге, но продолжал выходить, сплачивая вокруг себя писательские силы Ленинграда, мобилизуя ленинградцев на битву с врагом.

Илья Журбин — Ю. Толубеев, Басманов — А. Соколов.

Журбиных

Узнаваемый нами человек, на которого мы смотрим в спектакле, обычно кажется для всех доступным и простым. Но вместе с тем простота его предстает значительной. Она исполнена большого содержания. Поэтому все движения души героя, все повороты его мысли, все оттенки внутреннего состояния интересуют и привлекают нас как что-то важное, всем нужное.

Так играла на сцене Пашенная.

И так играет Юрий Владимирович Толубеев.

...В книге «Толубеев» Г. Капралов справедливо сравнивает удивительное дарование русского артиста с талантом и творческой манерой крупнейшего французского мастера Жана Габена.

При всей меткости сравнения, при всей «похожести» актерской игры Толубеев всегда шире.

Глубина психологического наполнения создаваемых им образов больше, щедрее, полноводнее. Но он столь же неотразимо захватывает зрителя подспудным течением переживаний своего героя — тем зримым молчанием, когда работа мысли, мгновенная, а еще чаще — последовательная смена настроений доходит до каждого сердца.

Лирика и юмор, скрытая патетика и самый явный яростный гнев, шутка и смех, то молчаливое, то откровенное, напористое выражение чувств, предельно долгая пауза — огромное эмоциональное богатство героя обнаруживает Толубеев в своем Илье Журбине, которого мы теперь узнали так хорошо, будто прожили рядом с ним всю свою жизнь.

В Илье Журбине Толубеев показывает не то что рабочего-интеллигента. Это чудесный тип, чрезвычайно характерный для нашего времени, но, скажем, друг Ильи, старый мастер Басманов, удивительно тонко и точно сыгранный А. В. Соколовым, по всем приметам куда интеллигентнее. Зато необоримое, удивительно творческое, деятельное тяготение Ильи к культуре — не только к культуре труда, а к культуре всей жизни — Толубеев делает неотделимым качеством души своего героя.

У Толубеева это основа образа.

В спектакле речь идет о семье — о тех человеческих связях, где все симпатии и антипатии обычно бывают выражены с особенной отчетливостью, где несходство не только серьезных взглядов и мнений, но даже самых малых вкусов ведет иной раз к грустным последствиям. Как раз это и случилось у Виктора Журбина и Лиды, которых играют В. Петров и Т. Алешина. Непонимание интересов друг друга приводит их к разрыву.

Обратное происходит у Алексея Журбина — Ю. Родионова и Катюши Травниковой — Г. Карелиной. Их любовь, очевидно, должна, выдержав все испытания, стать такой же прекрасной, какой была единственная любовь Матвея Журбина, родоначальника рабочей «династии».

Все эти актерские работы приятны. А полюбившая Виктора Зина Иванова, молодой инженер, технический «наставник» и друг Журбиных, в исполнении Н. Мамаевой просто прелестна. Актриса делает эту застенчивую, угловатую девушку очень привлекательной.

В ней угадывается доброта, отзывчивость, честность и сердечность.

И снова и снова стремится развитие всех характеров, всех образов спектакля к его жизненному центру — Илье Матвеевичу Журбину. Немолодой уже человек с широкой грудью, могучий, плечистый, все еще красивый, он подобен тем кораблям, которые строит. Крупное осмысленное лицо его чаще всего выражает озабоченность, непрекращающуюся внутреннюю работу. Он хорош в споре, в тревоге, в раздумье. И неотразим в минуту веселья.

Рядом же с ним можно поставить, пожалуй, только образ старика, отца Ильи, Матвея Дорофеевича.

В спектакле ленинградцев Матвея Журбина обычно играет В. В. Меркурьев. Но когда я смотрела «Семью Журбиных», эту роль исполнял К. И. Адашевский.

В созданном им образе старого рабочего покоряет значительность, серьезность и вместе с тем необычайная трогательность. Он внушает любовь к себе и признательность, этот старый рабочий человек, чувствующий безошибочно и надвигающуюся, беспощадную старость свою, и прежнюю, словно бы еще и молодую силу души, и необходимость свою для людей... Такую необходимость, которая в конце-то концов делает жизнь главной ценностью для всех нас.

Илья — Толубеев рядом с отцом порой обнаруживает вдруг ту самую детскость, даже беззащитность, которая бывает свойственна только очень сильным натурам; иногда богатырь Илья кажется ребенком возле Матвея. А тот — глубокий уже старик у Адашевского — с негнущейся спиной и слабыми, деревенеющими ногами, старается, напротив, изобразить грозную силу и крутой нрав, чтобы, упаси боже, никто не заметил, не догадался, что былая сила ушла, а крутого нрава никогда и в помине не было...

Благодаря образу старого Матвея, с присущей ему добротой, выносливостью и трудолюбием становится еще яснее в ансамблевом, отлично слаженном спектакле богатая человеческая и духовная сущность всех Журбиных.

Журбины неотделимы в нашей жизни от ее вчерашнего, сегодняшнего и завтрашнего дня. Пусть их сыновья станут инженерами, учеными, космонавтами — кем угодно! — они сохраняют свое главное свойство, оставаясь хозяевами этой жизни, ее защитниками и строителями.

Вот где секрет внутреннего, не ощутимого сразу, а угадываемого постепенно сходства Журбиных с Ленинградом: ничто не меняет и не может изменить их коренной сущности.

...Ленинградцы аплодируют Журбиным. Они приняли их и полюбили.

Матвей Журбин — К. Адашевский.

Сорок лет

Мы ощущаем дыхание грозных лет войны в «Ленинградских рассказах» и в поэме «Киров с нами» Н. Тихонова, в поэме А. Прокофьева «Россия», в огненных статьях Вс. Вишневского, в стихах О. Берггольц, в «Пулковском меридиане» В. Инбер, в статьях В. Шишкова и В. Саянова...

После войны ведущее место в журнале заняли произведения о современности.

1964 год мы начинаем публикацией новой повести М. Алексеева «Хлеб — имя существительное».

В первом номере журнала печатаются две поэмы: М. Дудина «Песня Вороньей Горе» и азербайджанского поэта Рамиза Гейдара «Я вижу Ленина».

Героической обороне Ленинграда посвящены очерки Н. Тихонова, А. Сапарова, К. Сухина, воспоминания командующего 67-й армией генерал-лейтенанта М. Духанова и бывшего заместителя командующего Ленинградским фронтом генерал-лейтенанта Ф. Лагунова.

В февральской и мартовской книжках журнала мы напечатаем вторую книгу романа Е. Шереметьевой «Весны гонцы» — о молодых актерах. Читатели «Звезды» давно ждут завершающую часть трилогии Ю. Германа, начатой романами «Дело, которому ты служишь» и «Дорогой мой человек». Скоро последняя книга трилогии появится на страницах «Звезды».

В портфеле редакции — романы А. Крона «Дом и корабль», А. Розена «Последние две недели», сценарий Д. Гранина «Первый посетитель», кинобаллада М. Дудина и С. Орлова «Жаворонок», повести М. Жестева «Земли живая душа», А. Кирносова «Золотая рыба», Е. Ярмагаева «Мы пришли с войны», новые «Путешествия в прекрасные страны» Л. Обуховой...

Со стихами и поэмами в первом полугодии выступят в «Звезде» А. Ахматова, И. Авраменко, Н. Браун, М. Дудин, М. Комиссарова, С. Орлов, Е. Полонская, А. Прокофьев, Вс. Рождественский, В. Шефнер. В журнале в этом году появятся произведения азербайджанских, грузинских, украинских, литовских и башкирских писателей.

В «Звезде» щедро будет печататься зарубежная новелла.

Редколлегия в 1964 году много места уделит вопросам партийности и народности литературы и искусства, художественного мастерства, борьбе за реалистические традиции, против формализма и модернизма.

Коллектив «Звезды» сделает все, чтобы журнал, вступая в 41-й год своего существования, стал более интересным и многогранным. Печатать произведения, которые окрыляли бы людей, звали их вперед,— это для нас главное.

Георгий ХОЛОПОВ,
главный редактор журнала
«Звезда»

Галилео Галилей

Международные празднования юбилеев великих мыслителей прошлого играют сейчас важную роль в культурной жизни человечества. Они сближают народы и напоминают о людях, творчество которых было отдано разуму, миру и прогрессу. 15 февраля 1964 года исполняется 400 лет с того дня, когда в Пизе родился величайший ученый своего времени, основатель нового естествознания Галилео Галилей. Он ввел в науку такие представления, которые потом уточнялись и конкретизировались, но уже не могли быть оставлены. Мыслитель, заложивший фундамент, на котором Ньютон и последующие ученые возвели стройное здание классической механики, он дорог нам своей борьбой против канонизированных церковью отживших догм, трагической судьбой узника инквизиции, близостью к широким кругам, к которым он обращался не на мертвой латыни, а на живом итальянском языке.

В Италии галилеевские торжества начнутся весной и будут продолжаться до осени в Пизе, Флоренции, Падуе, Риме и других городах, связанных с жизнью Галилея.

Академия наук СССР отмечает четырехсотлетие со дня рождения Галилея изданием избранных трудов ученого в двух томах, куда войдут «Диалог о двух системах мира», «Беседы и математические доказательства», «Звездный вестник» и другие работы, положившие начало новой науке, выпуском научной биографии ученого и сборника статей о Галилее и его творчестве. Будет созвано торжественное собрание Академии наук.

Мне представляется глубоко знаменательным широкий интерес к творчеству мыслителя, впервые направившего телескоп в глубины космоса, в самых широких кругах народа, из которого вышли первые космические путешественники.

Академик А. Ишлинский

Галилео Галилей родился в один год с Шекспиром, за четыре года до Кампанеллы, через год после введения индекса запрещенных католической церковью книг. Эти хронологические сопоставления не случайны. Одновременно с Галилеем его ровесник, гениальный английский поэт, показал в своих произведениях такую глубину мысли и чувства, которые сделали эти произведения бессмертными. Почти ровесник Галилея Томмазо Кампанелла известен как один из первых глашатаев новых общественных идеалов «города Солнца». Галилей стал историческим образцом великой страсти, ведущей человека к познанию природы и ломающей старые научные догмы. Его научное творчество было тесно связано с борьбой против религии, защищавшей отжившие общественные формы. Усиление католической реакции, совпавшее со временем его рождения, предвещало трагическую судьбу мыслителя.

Галилей родился в Пизе, а юность провел во Флоренции. Короткое время он изучал в Пизе медицину, потом учился математике и механике во Флоренции, стал профессором в Пизе, а в 1592 году переехал во владения Венецианской республики в качестве профессора Падуанского университета.

С кафедры университета он должен был, следуя официальным программам, излагать освященное религией учение Птолемея: в центре Вселенной — Земля, вокруг нее вращаются Солнце, планеты, звезды,— а сам изучал гелиоцентрическую систему Коперника и накапливал доказательства ее справедливости. Он должен был учить механике и физике по Аристотелю, чьи положения были признаны церковной догмой (более тяжелое тело быстрее падает на землю и т. п.), а сам ценой труда многих лет, опытами и размышлением устанавливал вопреки «очевидности» точные законы падения тел. Всем этим он мог делиться только с очень узким кругом ближайших учеников. Можно себе представить, какой силы ненависть накапливалась в Галилее. Он всем сердцем ненавидел церковных мракобесов, опровергавших научные доказательства ссылками на тексты «священного писания».

Галилей был великий жизнелюб, он увлекался поэзией и музыкой, он знал силу слова и сам мастерски владел словом, и ко всякой мертвечине, религиозной и светской, которая так упорно старалась подавить живую мысль, он питал особое отвращение.

В 1610 году к Галилею пришла мировая слава.

В тот год он впервые в истории человечества направил только что изобретенную зрительную трубу на звездное небо. Он сразу же увидел гористый ландшафт Луны, обнаружил, что Млечный Путь состоит из отдельных звезд, наблюдал фазы Венеры, кольцо Сатурна, солнечные пятна и открыл существование четырех спутников Юпитера. Галилей назвал их медицейскими звездами в честь правившего во Флоренции герцогского дома Медичи. Первые астрономические открытия, сделанные при помощи телескопа, Галилей изложил в книге "Звездный вестник». Этим произведением зачитывались во всей Европе.

Галилей переезжает во Флоренцию. Он становится «первым математиком великого герцога». Его окружает слава, но число врагов растет. В Риме прислушиваются к наветам. В 1616 году Галилей с помощью друзей пытается отвести от себя и от гелиоцентризма обвинение в ереси. Но инквизиция сильнее друзей Галилея: книга Коперника запрещена, а изложение гелиоцентризма признано еретическим актом.

Это решение было тяжелым ударом для Галилея. Окружавшие его сторонники гелиоцентризма замолкли. Только кое-где, с оглядкой на агентов инквизиции — ими кишели города Италии,— почти шепотом говорили о движении Земли вокруг Солнца.

Галилей склонился под тяжестью церковного запрета, но не был сломлен. Он продолжал работать над обоснованием системы Коперника. В ряде блестящих памфлетов он полемизирует со своими противниками, оспаривавшими достоверность его астрономических и физических открытий. Попутно он излагает основы научного мировоззрения. Он отстаивает мысль о единстве материи, движением которой объясняет явления природы.

В течение многих лет Галилей подготавливал обширный трактат в защиту гелиоцентризма. Ему показалось, что пришло время опубликовать книгу. Папский престол занял кардинал Барберини — папа Урбан VIII, который очень сочувственно относился к работам Галилея, в особенности к его фортификационным и вообще прикладным трудам.

Трактат — знаменитый «Диалог о двух главнейших системах мира, Птоломеевой и Коперниковой» — вышел в 1632 году во Флоренции. Он написан в форме беседы трех человек: Сагредо и Сальвиатти, которые защищают гелиоцентризм, и Симпличио, который защищает идеи Птоломея. Беседа ведется в течение четырех дней. Первый день посвящен общим вопросам, второй — доказательству суточного обращения Земли, третий — доказательству годичного обращения Земли вокруг Солнца и четвертый — Галилеевой теории приливов.

В беседе второго дня Галилей сравнивает Землю с каютой движущегося корабля. Пока корабль движется равномерно, в каюте нельзя обнаружить его движение. Здесь — начало знаменитого принципа относительности прямолинейного и равномерного движения. По существу, Галилей выдвинул принцип инерции: тела продолжают двигаться вместе с Землей без какой-либо поддерживающей движение силы.

Враги науки ополчились против ученого. Во главе их находился папа Урбан VIII, который некогда поддерживал Галилея. Религиозные и политические расчеты оказались для жестокого и хитрого главы римской церкви более важными, чем былое сочувствие работам Галилея. Больной семидесятилетний старик в 1633 году был вызван в Рим на суд инквизиции. Процесс окончился осуждением Галилея, его отречением и обрек ученого на пожизненное пребывание под надзором инквизиции.

Но Галилей не сложил оружия. Он написал вторую из своих основных книг: «Беседы и математические доказательства, касающиеся двух новых отраслей науки, относящихся к механике и местному движению». Книга была написана в 1635 году, а четыре года спустя ее удалось издать в Лейдене (Голландия), куда не распространялась власть католической цензуры.

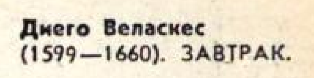
«Две новые отрасли науки» — это сопротивление материалов и динамика.

Основные принципы, введенные Галилеем в науку, в своем развитии и обогащении все более полно отражают объективную действительность. Таков, в частности, принцип инерции. Все, что внесено в учение об инерции Декартом, Ньютоном и последующими механиками, не умаляет вклад Галилея, а только уточняет, обобщает и развивает его. Это относится и к классическому принципу относительности. В системе, движущейся по инерции, не меняются внутренние отношения между телами. После специальной теории относительности мы узнали, что не меняются не только механические соотношения, но и электродинамические. После общей теории относительности мы знаем, что с известной точки зрения они не меняются и в системах, движущихся с ускорением.

И в «Диалоге», и в «Беседах», и во всем своем творчестве Галилей проводил мысль о бесконечности познания и вместе с тем о достоверности человеческих знаний. Он писал: «Я утверждаю, что человеческий разум познает некоторые истины столь совершенно и с такой абсолютной достоверностью, какую имеет сама природа».

А. ГРИГОРЬЯН,
доктор
физико-математических наук

Неизвестный художник XVII века. ГАЛИЛЕО ГАЛИЛЕЙ. (Фрагмент росписи). Палаццо Питти (Италия).

Диего Веласкес
(1599—1660). ЗАВТРАК.

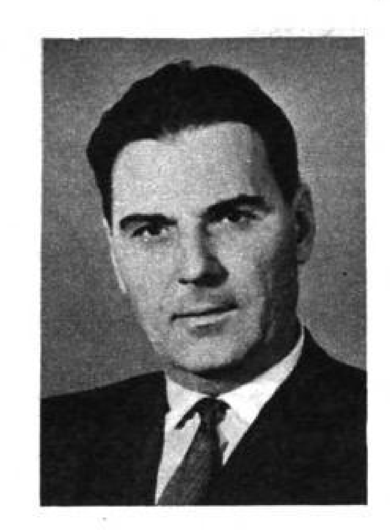
Якоб ван Рейсдаль
(1628/29—1682).
МОРСКОЙ БЕРЕГ.

Государственный
Эрмитаж (Ленинград).

МИХАИЛУ ДМИТРИЕВИЧУ СОКОЛОВУ — 60 ЛЕТ. Романист, драматург, редактор, он занял свое почетное место в литературе. За четверть века литературной деятельности он создал ряд художественных произведений, получивших признание читателей и нашей общественности. Первая книга историко-революционного романа «Искры» была удостоена Государственной премии. В прошлом году в журнале «Дон» были опубликованы три части второй книги этого крупного, многопланового романа. Большой интерес читателей вызвала повесть М. Соколова «Весна», пьесы «Мечта Варвары», «Искры» и другие.

Свою творческую работу Михаил Дмитриевич сочетает с большой общественной деятельностью. На протяжении восьми лет он является главным редактором литературно-художественного и общественно-политического журнала «Дон».

Фото Ал. ЛЕССА.

ВОЗРАСТ РАСЦВЕТА

Журналу «Смена» исполнилось сорок лет. Возраст зрелости, расцвета. О расцвете журнала, о его популярности свидетельствует бурный рост тиража: 1950 год — 450 тысяч экземпляров, 1962-й — 800 тысяч, 1963-й — 1 миллион. Но для «Смены» сорок лет — возраст особый: этот журнал всегда обязан быть юным, ведь большинство его читателей — молодежь.

Редакция «Огонька» попросила главного редактора журнала В. И. Самохина рассказать об истории «Смены», о ее творческих планах.

Наш журнал увидел свет в январе 1924 года. Задача журнала — способствовать воспитанию человека будущего, человека коммунистического общества.

Молодежный журнал помогал становлению многих известных ныне писателей. В 1925 году здесь был помещен рассказ «Коловерть», один из первых донских рассказов Михаила Шолохова.

«Смена» печатала Новикова-Прибоя, Багрицкого, Тихонова, Матэ Залку. Маяковский тоже был нашим поэтом.

Наш журнал, конечно, занимается не только вопросами литературы. Мы стараемся как можно полнее осветить жизнь молодежи, ответить на вопросы, которые волнуют ее. В прошлом году корреспонденты «Смены» провели в командировках полторы тысячи дней, побывали в самых дальних уголках страны — на Чукотке, на Колыме, в Тихом океане.

Со своими читателями мы стремимся держать самую тесную связь. В сентябре 1963 года «Смена» взяла шефство над ударной комсомольской стройкой большой химии — комбинатом «Апатит» на Кольском полуострове.

Несколько слов о редакционных планах. Осенью нынешнего года страна будет отмечать 60-летие со дня рождения Николая Островского. Мы давно разыскиваем новые материалы о жизни и деятельности писателя и уже начали публиковать их. Любители романтики найдут в журнале приключенческие и научно-фантастические произведения...

ИТОГИ ТЕАТРАЛЬНОГО СЪЕЗДА

Прошедший недавно очередной съезд Всероссийского театрального общества выразил глубокое уважение многотысячного коллектива актеров Российской Федерации старейшей русской актрисе Александре Александровне Яблочкиной и избрал ее почетным председателем Совета ВТО.

Почти полвека Александра Александровна исполняла обязанности председателя Совета ВТО — высшего руководящего органа Общества. За эти годы ВТО стало большой творческой организацией, объединяющей 24 тысячи членов.

На XI съезде председателем Совета ВТО избран народный артист СССР Михаил Иванович Царев.

— Вся моя творческая жизнь,— говорит он нашему корреспонденту,— связана с Всероссийским театральным обществом. На творческих вечерах я не раз сдавал здесь экзамен на мастерство перед самыми требовательными зрителями, своими товарищами — актерами. Здесь же совсем недавно был отмечен и мой 60-летний юбилей.

Основное направление работы указано нам июньским Пленумом ЦК партии, постановлениями правительства по эстетическому воспитанию молодого поколения.

Первым заместителем председателя избран Николай Константинович Черкасов; вместе с А. О. Степановой, М. И. Жаровым и С. И. Поповым он будет заниматься вопросами актерского искусства. Проблемы режиссуры возложены на Н. В. Петрова, Г. А. Товстоногова и Ф. Е. Шишигина; вопросы теории театрального искусства — на П. А. Маркова. Музыкальные театры — сфера деятельности Б. А. Покровского, О. В. Лепешинской, М. З. Булатовой; детские — К. Я. Шах-Азизова. Большому коллективу художников во главе с Б. Г. Кноблоком предстоит развивать дальше театрально-декорационное искусство. Ю. К. Борисова возглавит шефскую работу.

Судьи матча К. Адамец (Чехословакия) и П. Изоталло (Финляндия) обязательно захотели сфотографироваться с Ю. А. Гагариным.

Всего побольше

Это было на недавнем матче наших хоккеистов с канадцами, на генеральной репетиции перед Инсбруком.

В первый раз мы видели сборную олимпийскую команду Канады. Накануне молодым питомцам тренера-пастора Дейва Бауэра, удалось одержать несколько побед над сильными противниками. Все признанные спортивные авторитеты мира предсказывают, что основная борьба на Белой олимпиаде развернется между большой четверкой: хоккеистами СССР, Чехословакии, Швеции и Канады. Естественно, интерес у москвичей к матчу с Канадой был очень высок. Настолько высок, что этот морозный январский вечер вполне можно было назвать хоккейным. Люди спешили к телевизорам, всюду слышались толки о матче. Широкие стеклянные двери Дворца спорта брались с боем.

В эти минуты в небольшом вестибюле перед раздевалками спортсменов, где стоят столики, за которыми торопливо пьют кофе спортивные судьи и журналисты, происходила любопытная и очень характерная сценка. Четыре молодых офицера, коренастых и ладных, тепло желали успеха выходящим на лед нашим ребятам-хоккеистам. Четыре офицера, четыре Золотых Звездочки Героя Советского Союза. Их появление на трибунах среди зрителей встретил долгими аплодисментами зал, как встречают давних и добрых друзей.

Назовем сразу имена четырех офицеров: Юрий Гагарин, Герман Титов, Павел Попович, Валерий Быковский. Иногда как-то забываешь, что прославленные космонавты — заслуженные мастера спорта, рекордсмены мира, аэронавты. И, конечно, все они очень любят спорт, хорошо знают цену мастерства, вес трудной победы.

В том маленьком вестибюле мы встретились после конца матча с Юрием Алексеевичем Гагариным. Не просто было к нему подойти: канадские гости окружили героя, просили автограф на память, прямо вот на этой, хоккейной, программке.

— Скажите, Юрий Алексеевич,— спросили мы,— почему выиграла наша команда?..

Ответ прозвучал быстро, с юмором:

— Может, об этом лучше спросить тренера? Ему виднее!

Но тут же, немного подумав, будто взвесив, что произошло на льду, космонавт сказал то, что было самой сущностью успеха наших ребят:

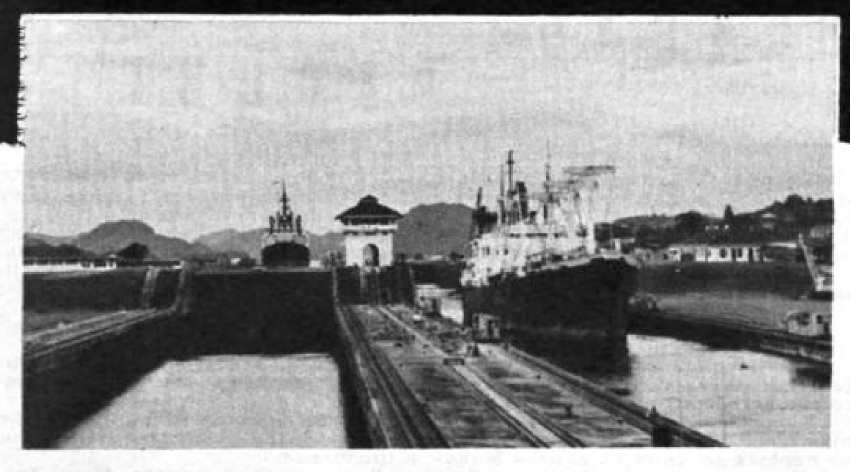
— У них оказалось всего побольше, чем у соперников: скорости, техники, мужества, выдержки и, главное, физической закалки. Крепче во всем оказались наши! Всего побольше... Пусть так будет и на олимпийском льду!

М. АЛЕКСАНДРОВ

Момент встречи.

Фото А. Бочинина.

Панамский канал — источник миллионных прибылей для США. Лишь крохи достаются Панаме от эксплуатации этого канала.

«В прошлом мы умели разрешать такие проблемы».

Эти слова произнес заместитель государственного секретаря США Джордж Болл, отвечая на вопросы корреспондентов о событиях в Панаме.

Меланхолические воспоминания о прошлом не случайно охватили одного из руководителей американской внешней политики. В эпоху открытого империалистического разбоя Соединенные Штаты решали все проблемы взаимоотношений со странами Латинской Америки «большой дубинкой». Кровавая расправа в Панаме показала, что и сейчас американский империализм пытается действовать старыми методами. Однако ныне не те времена, и пули оказались слабее воли народов к свободе.

В Панаме американский империализм снова обагрил свои руки кровью патриотов. Пытаясь снять с себя ответственность за преступление, он кричит теперь о «коммунистическом заговоре» в Панаме. Но кто поверит этой лжи, если хорошо известно, что президент этой страны Роберто Чиари, разорвавший отношения с Соединенными Штатами,— крупный сахаропромышленник, владелец газет, человек, обладающий миллионным состоянием?

Кровь в Панаме пролилась потому, что США не хотят лишаться миллионных прибылей. С 1914 года, когда вступил в действие Панамский канал, по 1962 год Соединенные Штаты получили от его эксплуатации 2 361 544 048 долларов. Из этой суммы Панаме, по чьей земле проходит водный путь, досталось только ...0,88 процента!

Железной хваткой вцепившись в землю Панамы, США не намерены сдавать своих позиций. Нью-йоркская газета «Джорнэл—Америкэн» в те дни, когда американские войска стреляли в панамцев, цинично писала: «Пусть Панама или кто другой обращается в ООН или в Организацию американских государств с подлинными или воображаемыми жалобами. Соединенные Штаты все равно должны оставаться в зоне Панамского канала».

Зная повадки американского империализма, можно предвидеть, что США, конечно, не оставят попыток навязать свою волю Панаме. Неспроста распространяются небылицы о «коммунистическом заговоре», о «кубинских агентах» на панамской земле.

Но события в Панаме — это не результат заговора. Борьба панамских патриотов — это приговор колониалистской политике США, приговор тому, что стоит на пути народов к освобождению.

Британские войска на Кипре приведены в боевую готовность.

ВЗРЫВЫ НА КИПРЕ

Д. ВОЛЬСКИЙ,
Вик. КУДРЯВЦЕВ

У границы, разделяющей турецкий и греческий кварталы Никозии, 2 декабря раздался сильный взрыв. В клубах дыма скрылась статуя Маркоса Дракоса, героя освободительной борьбы киприотов. Трудно было тогда предположить, что этот взрыв — лишь начало, что он послужит сигналом к другому взрыву — политическому. Его жертвами стали десятки, сотни людей.

Но был ли этот взрыв неожиданным? Или кто-то ожидал и готовил этот взрыв, чтобы воспользоваться им?

ТРЕВОГИ СЭРА АРТУРА

Изумрудный остров Афродиты... Здесь все — и ласковый климат, и сиреневое море, и бело-розовые города — словно специально создано для безмятежной жизни. Но сэр Артур Кларк, верховный комиссар Англии на Кипре, за три года так и не привык к Кипру.

Трудная должность — представлять метрополию во вчерашней колонии. Особенно если она, как Кипр, проводит самостоятельную политику, не участвует в западных союзах. Единственно где сэр Артур чувствовал себя в привычной обстановке,— это на английских военных базах, оставшихся здесь после провозглашения независимости. Его главная задача— обеспечить неприкосновенность этих баз, существование которых гарантировано лондонско-цюрихскими соглашениями, навязанными Кипру в качестве выкупа за независимость.

Но киприоты хотят жить спокойно, они требуют ликвидации баз. Атмосфера накаляется все больше. В августе прошлого года секретарь принес Кларку вырезку из газеты «Нен Кери», считающейся одной из самых информированных на Кипре. «В начале 1964 года,— сообщила эта газета,— правительство Кипра намерено обратиться к странам-гарантам (Англия, Турция, Греция) с декларацией, требующей удаления с территории острова их вооруженных сил». И дальше: «Если хотя бы одна из сторон не выполнит этого требования, Кипр поставит вопрос перед ООН».

Обеспокоенный Кларк моментально сообщил об этом в «Форин оффис». «Над базами нависла угроза» — так расценили положение в английском правительстве. Кларку напомнили традиционную политику «разделяй и властвуй», не раз выручавшую английских колонизаторов.

ОПЕРАЦИЯ «ТУ ДОР МАРШ»

В ноябре на улицах маленького кипрского городка Кирения по-

ОВОР, А ПРИГОВОР !

В зоне Панамского канала разместилось более десяти тысяч американских солдат. Их пули убили и ранили многих панамцев.

На этом шесте развевалось полосатое знамя США. Панамские студенты вырвали флагшток из земли и написали на нем: «Нам не нужен американский флаг».

На дороге — перевернутые возмущенными панамцами американские автомашины.

Горит здание американской компании, подожженное патриотами.

Во время похоронной процессии жертв американских репрессий студенты несли разорванный американцами панамский флаг.

явились английские танки, броневики, солдаты, посланные в этот городок с близлежащей английской базы. Прохожие жались к стенам, в домах захлопывали окна.

Пока что это была лишь инсценировка, военные маневры. Под предлогом учений Англия перебросила на кипрские базы дополнительные воинские части. Всю эту операцию британское командование назвало «Ту дор марш» — «Поход к дверям». Название операции было символичным. В кипрские газеты попал секретный документ британского командования о «возможности вмешательства в случае возникновения ненормальной ситуации».

Тем временем стало известно, что в потаенных местах найдены склады английского оружия, предоставленного экстремистам из турецкой общины Кипра. В кафе, лавках, клубах появились подозрительные личности, сеявшие самые невероятные слухи, умело стравливающие турок и греков.

А 2 декабря неизвестные подложили динамит под памятник Маркоса Дракоса. Кипр стал ареной трагических событий. Вооруженные английскими автоматами террористы нападали на мирных киприотов, взрывали общественные здания и жилые дома. Жизнь на острове была парализована. Страдали от этого и греки и турки... Наступило «кровавое рождество».

РОКОВОЙ ВТОРНИК

24 декабря. Вторник. На Даунинг-стрит, 10 съехались советники и эксперты на совещание по кипрскому вопросу. К полудню подкатил и автомобиль министра по делам содружества наций и колоний Данкэна Сэндиса.

Совещание длилось долго. Во второй половине дня газеты печатали «важный документ»: «Британское правительство выражает беспокойство по поводу создавшейся ситуации на острове Кипр...», «Срочные меры», «Установить спокойствие»...

Лихорадочная активность на Даунинг-стрит в «роковой» вторник 24 декабря вызывалась опасениями английских колониальных стратегов за свои планы. Дело было в том, что напряженность на Кипре стала убывать. Правительство Макариоса действовало быстро и эффективно. Накануне между греческой и турецкой общинами было достигнуто соглашение о перемирии. Вооруженные столкновения на острове в основном прекратились. А главное, президент Макариос снова заявил, что намерен отказаться от цюрихско-лондонских соглашений. Еще день-два, и вторжение английских войск будет выглядеть неприкрытой агрессией. «Повод» будет утрачен.

Эту ночь солдаты 1-го Глостерского полка, 3-го пехотного и 1-го батальона Форресторского полка встречали на военно-воздушной базе в Лайнэме. Мощные реактивные транспортные самолеты ожидали только приказа, чтобы оторваться от английской земли и направиться к маленькому острову на Средиземном море.

Поздно вечером приказ наконец поступил: «Отправка!» На одном из самолетов вместе с «томми» находился и министр по делам содружества наций и колоний Данкэн Сэндис...

«ВОЗНИКЛИ ТРУДНОСТИ»

Прибывшие из Англии «томми» быстро растеклись по Кипру. Вместе с английскими мотомеханизированными частями, переброшенными с баз в Ливии, они заняли все ключевые пункты. Очень скоро численность английских войск на острове достигла 12 тысяч человек, тогда как кипрская армия оставляет всего две тысячи, включая полицейских.

Вчера еще внешне корректный с кипрскими властями генерал Янг сменил тон и потребовал от кипрской полиции полного разоружения.

Прибывший в Никозию Сэндис обосновался в лучшем отеле города, «Лидра палас». Здесь же разместился английский штаб войск «по охране порядка». Над зданием взвился британский флаг. Снова он заколыхался на ветру над кипрской столицей, как и в течение долгих десятилетий колониального гнета.

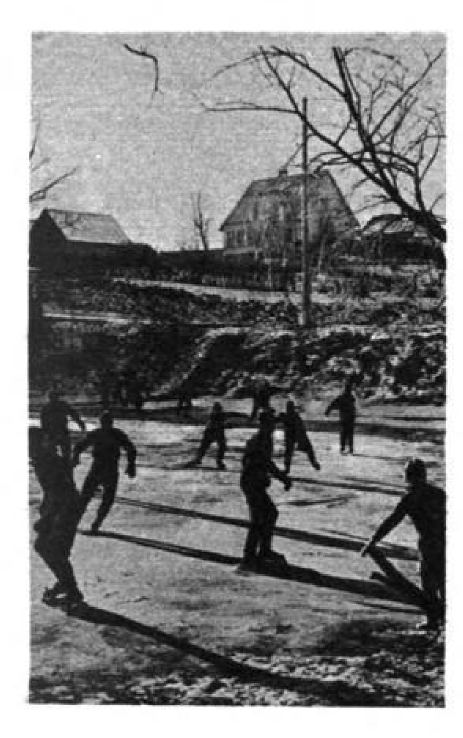
Однако не все учли организаторы авантюры. Народ Кипра не дал себя запугать, он продолжает бороться за полный суверенитет и независимость. Правительство Кипра твердо заявило, что будет добиваться отмены кабальных соглашений.

Когда Сэндис садился в самолет, чтобы вылететь в Лондон, журналисты спросили его: каковы результаты его миссии?

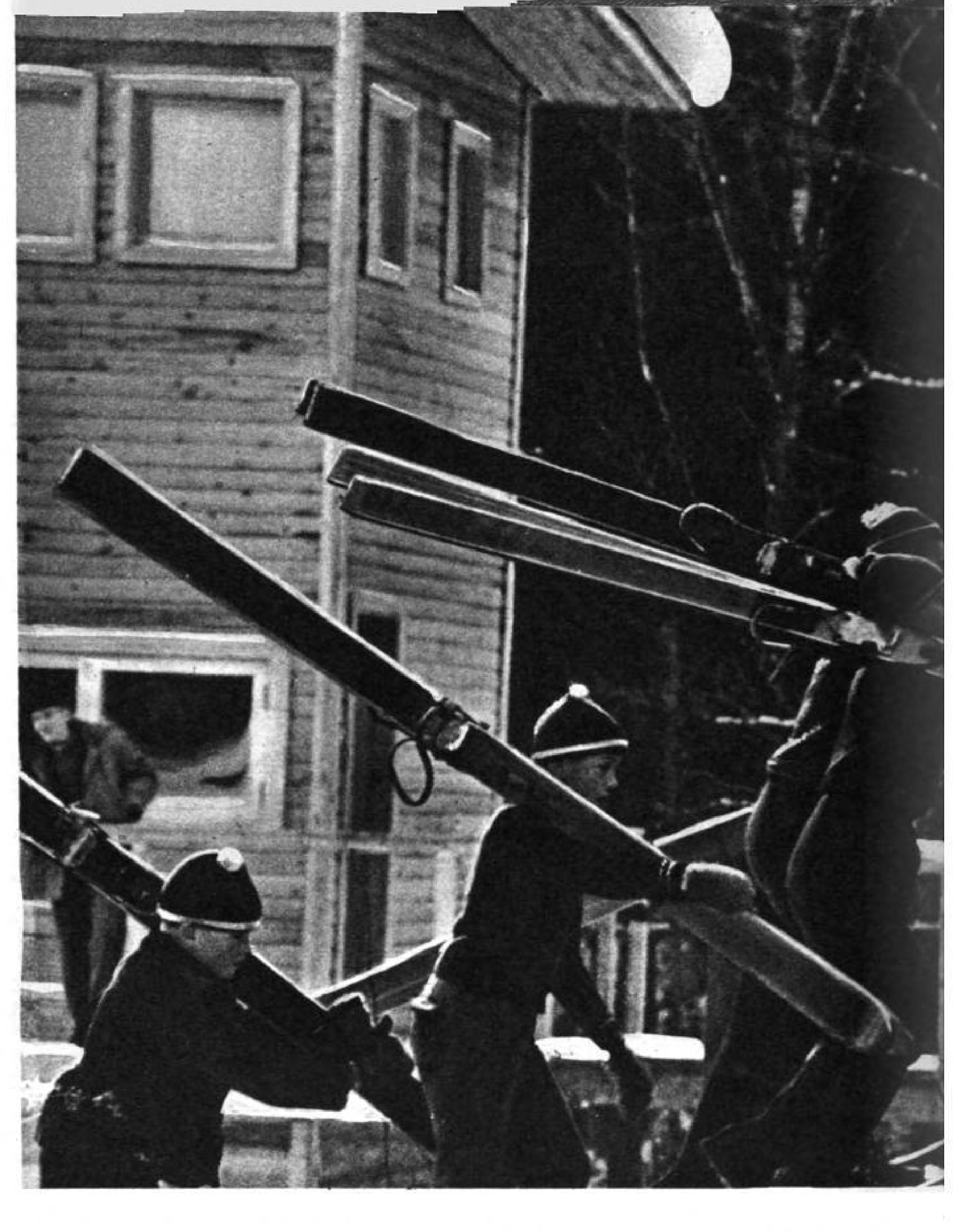
— Возникли трудности,— мрачно ответил министр.

С большими трудностями столкнулись английские колонизаторы и на лондонской конференции по Кипру. Они убедились, что времена переменились, киприоты не дрогнули и полны решимости довести борьбу до конца.

На вершину трамплина.

«Дети и спорт» — так называлась статья заслуженного мастера спорта Риммы Жуковой, опубликованная в шестом номере «Огонька» за 1963 год. Статья эта, поднимающая вопросы физического и эстетического воспитания, вызвала большой отклик. В своей новой статье Римма Жукова рассказывает об опыте преподавателей и тренеров эстонского городка Отепя.

ЕСТЬ ТАКОЙ ГОРОД

Римма ЖУКОВА,
заслуженный мастер спорта

Фото Л. БОРОДУЛИНА.

Отепя славится живописными окрестностями, но если вы посетите его, вам прежде всего покажут не Пюхе-ярве, одно из синих озер, не живописные холмы и сосновые леса и не древний замок, а среднюю школу.

На центральной площади расположена школа-интернат, и история ее знаменательна: когда в 1959 году открывались первые интернаты, райисполком отдал свое здание ребятам, а сам переехал в маленький домик. После этого весь городок помогал возводить новое здание школы: тесно стало в одном. И сдали к сроку светлый, просторный дом.

Хороша и средняя школа на окраине городка. Вас встречает приветливое: «Tere!» («Здравствуйте!»). Не успеваешь отвечать. Мальчики кланяются, а девочки приседают в легком реверансе — непринужденно и спокойно. И сразу вам бросается в глаза хорошая осанка ребят. «О, да! Мы следим за этим»,— объясняют вам.

Оказывается, на любом уроке выход ученика к доске оценивается не только с точки зрения знаний, но и эстетики поведения. Не получается? Выход повторяется снова. Правильно сидеть за партой, вставать, ходить — за этим следят не только в первом классе.

Спортивные навыки прививаются еще в детском саду. Каждое лето для малышей устраиваются велосипедные соревнования; не беда, что возраст участников 4—6 лет, все как у взрослых — трасса, зрители, судьи, фотокамеры и награждение победителей. В веселый зимний праздник масленицы проводятся в Отепя традиционные соревнования по спуску и управлению санями (команда из 5 человек должна съехать и затащить обратно сани в кратчайший срок). И снова малыши не отстают от взрослых: у них та же программа, только сани маленькие. Сколько смеха, шуток, проказ! Победителям вручается пирог со взбитыми сливками, и через город они едут на разукрашенных санях.

Учебного времени на спорт в школах отводится немного — всего два часа в неделю, но урок физкультуры так же полноправен, как урок математики или литературы. К нему самое серьезное отношение. Девочки и мальчики занимаются физкультурой раздельно, но в одно и то же время, в одном спортзале.

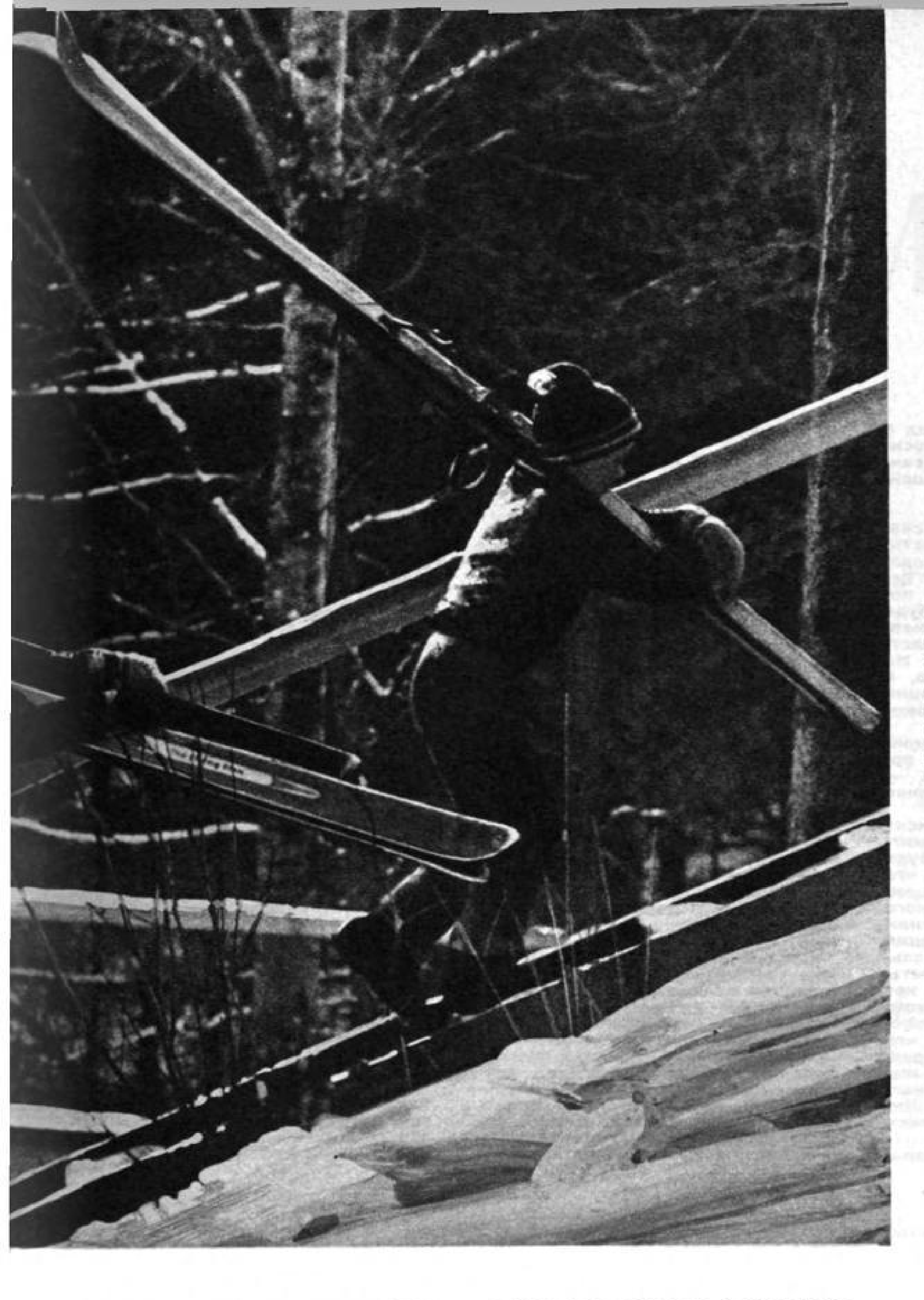
Пропуском в спортзал служит хорошо отглаженный спортивный костюм, аккуратность и дисциплина его владельца. В противном случае ученик на урок не допускается, а это — тяжкое наказание.

Я была на одном из уроков по физкультуре в 5-м классе. Основой этого урока был баскетбол. Пятиклассники неплохо владели техническими навыками этой прекрасной и полезной игры. Урок был очень хорошо продуман — от упражнений общефизического характера до разучивания и отработки тактических приемов баскетбола. Что же удивительного в том, что, полюбив физкультуру на уроке, большинство ребят занимаются в различных секциях во внешкольное время!

Конечно, двум преподавателям физического воспитания, даже таким, как Лехте Пускар и Калью Эльянд, трудно было бы справиться с такой нагрузкой, если бы им не помогали многие преподаватели и сам директор школы Хейно Мяги. Иные преподаватели — сами неплохие спортсмены — и до сих пор выступают на соревнованиях.

Многие ученики имеют спортивный разряд и добиваются больших успехов. Особенно популярно имя лыжника Хейдо Меема, мастера спорта, члена сборной команды республики, бывшего ученика этой школы. Сейчас он студент Тартуского университета, но находит время тренировать и отепяских ребят. Ребятам открыты все двери спортивных залов и стадионов; помогает маленьким лыжникам и заслуженный мастер спорта, москвич Павел Колчин, который проводит в Отепя свой отпуск. Школьники не остаются в долгу: многие из них строили трамплин с искусственным покрытием и были награждены почетными грамотами. Ревностно охра-

Семья Тимберг увлекается музыкой и лыжным спортом. Слева направо: Сильвия — ученица 10-го класса, Карл — ученик 8-го класса, Тийт — питомец детского сада, Иоганн — глава семьи, Сельма — хозяйка дома и Кристи — ученица 2-го класса.

няют они спортплощадки и залы, ухаживают за спортинвентарем.

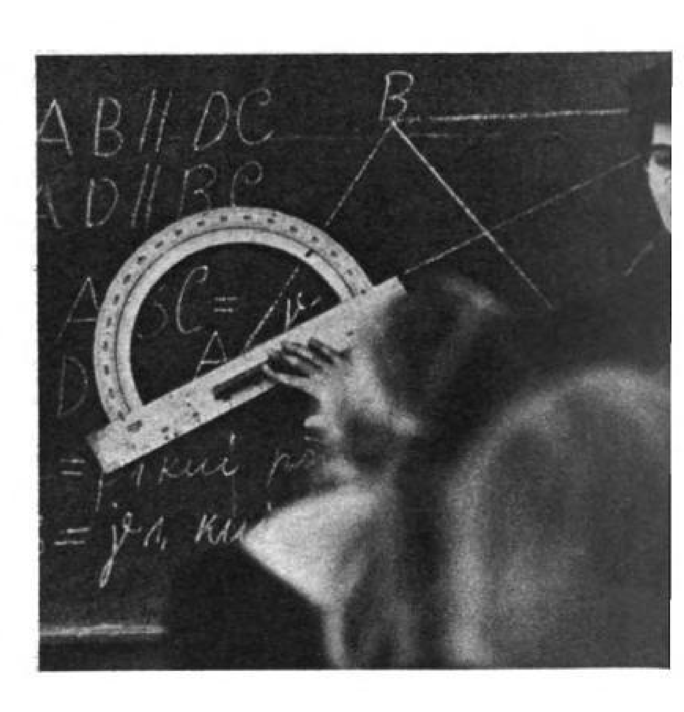
Вот почему юные жители Отепя растут сильными, плечистыми. А учителя все волнуются: как лучше совершенствовать спортивную работу? По их мнению, большой вред развитию спорта в школе наносит «всеядность» программ, обязательное включение многих видов спорта в школьные соревнования. Лучше было бы наряду с общешкольной программой по физической подготовке ввести специализацию школ по одному-двум видам спорта. Вот тогда и среди школьников появятся мастера спорта!

Сейчас в двадцати школах Эстонии как эксперимент проводится ежедневный урок физкультуры, совмещенный с большой переменой. Задача урока — дать выход ребячьей энергии. Стоящий эксперимент: ведь на спорт прибавляется 3 часа в неделю! В Отепя хотят последовать этому полезному начинанию. Одобряют в эстонском городке и предложение об освобождении субботы для физического и эстетического воспитания детей.

В Отепя много музыкальных семей. Вот одна из них — партийного работника Иоганна Тимберга. Сам он играет на пианино, его жена Сельма поет в городском хоре, а трое детей — солисты школьного хора. Даже самый маленький, четырехлетний Тийт, играет на губной гармонике. И эта семья не исключение. Прекрасно оборудованный класс музыки в школе никогда не пустует: кроме уроков музыки и пения, предусмотренных учебной программой, преподаватели музыки и пения Эви Саѐви и Август Крентс проводят большую внеурочную работу.

Да, интересно, полновесно построено воспитание ребят в маленьком городке Отепя — там растут гармонически развитые, сильные и телом и духом люди коммунизма.

Тийт Рубель преподает математику, но, кроме того, он и отличный тренер юных акробатов.

Преподаватель физического воспитания школы Лехте Пускар со своими воспитанницами.

Необычное задание нашему корреспонденту

Везет

Я. МИЛЕЦКИЙ

Что ни говорите, но в этих историях много необъяснимого. Так думаю не только я, но и Павел Иванович, человек пожилой и многоопытный, занимающийся продажей лотерейных билетов. Мы сидим с ним вдвоем за маленьким столиком на одной из самых оживленных станций Московского метро. На столе небольшой стеклянный барабан, наполненный билетами.

Людская толпа, как морской прибой: то налетит волной, то исчезнет. Павел Иванович уже хорошо изучил закономерность этих приливов и отливов. Он знает, в какие часы возрастает спрос на билеты и, главное, кого какими словами можно прельстить. Но одно слово действует магически буквально на всех: счастье!

— Вот они, счастливые билеты!

— Купите самый счастливый билет!

Павел Иванович не обманывает: каждый билет может оказаться счастливым. Никто не объяснит, почему выигрывает этот, а не тот билет. Недаром в народе говорят: «Счастье — вольная пташка, где захотела, там и села...»

— Конечно, — философствует Павел Иванович,— выигрыш нельзя назвать настоящим счастьем, однако каждый человек хочет и этой маленькой удачи в жизни. Иначе он не покупал бы билета.

Но есть и такие, о которых говорят: «везет же людям!»

— Как-то нас собрали в управлении и рассказали о таких счастливцах,— говорит Павел Иванович.— В Дубровицком райпотребсоюзе Ровенской области работает шофер. Он часто разъезжает по селам и городам. Всюду, куда его забрасывает судьба, покупает по лотерейному билету. Так набралось у него целых пятьдесят. И что вы думаете? Четырнадцать из них оказались счастливыми. Теперь у него стиральная машина, ковровая дорожка, настольные часы, электроутюг. А бывают и более счастливые, например, Л. Щербинкина из Мордовии, заведующая читальным залом Краснослободской детской библиотеки. О ней в местной газете писали, поэтому я и называю вам ее фамилию, а называть без разрешения нельзя: секрет... Так вот, она выиграла мотоцикл с коляской, ковер, женский велосипед, стиральную машину, не считая всяких денежных выигрышей. Здорово, не правда ли?

— Действительно здорово!

— Подождите еще! Самые счастливые по выигрышам в шестьдесят третьем году — молодожены из города Богданович: Вера и Виктор Лесниковы. И не потому, что они выиграли что-нибудь особенное. А потому, что из имевшихся у них десяти билетов счастливыми оказались все десять. На девять из них пало по рублю, а на десятый — стиральная машина, сам по себе факт феноменальный!

Павел Иванович даже причмокнул от удовольствия и так посмотрел на меня, словно это — его рук дело. Потом, помолчав немного, продолжал:

— Правда, тут многое зависит от настойчивости: хочешь выиграть — покупай билеты! Будь упорным, не отступай, верь, что счастье повернется и к тебе лицом. Вот рассказывают про такого упрямца из Свердловска. Работник радиоклуба Г. А. Мальгин. Решил выиграть «Москвича» — ни больше, ни меньше. И покупал билеты каждого выпуска. Все нет и нет «Москвича». А он не падал духом. «Выиграю, — говорит, — автомобиль, обязательно выиграю». И что вы думаете? Выиграл! Эту историю я всегда рассказываю, когда жалуются, что проданные мною билеты оказались несчастливыми. Ничего не поделаешь: кто-то должен и проиграть...

— Это — дело случая, — стараюсь я поддержать Павла Ивановича.

— То-то же! Необъяснимого случая! Скажите, где, по-вашему, больше продают лотерейных билетов: в Москве или в Башкирии? Ну, не мучайтесь, я вас выручу: в Москве! Здесь населения больше, чем во всей Башкирской республике. И все же москвичи выиграли двадцать шесть автомобилей «Москвич», а в Башкирию отослано двадцать девять. Кому же больше везет: москвичам или жителям Башкирии? Двадцать девятую машину отправили маляру Зое Павловне Мустафиной.

— Что ж, остается поздравить ее с такой удачей.

— Согласен. Но заодно поздравьте и жителей Кузбасса: они побили рекорд по холодильникам «Ока» и «Саратов».

...В это время на станцию пришли поезда сразу с двух направлений. Хлынул поток пассажиров, и Павел Иванович энергично завертел барабан.

— Покупайте счастливые билеты! Лучший подарок ко дню рождения, молодоженам и новорожденным! — зазывал он.

Несколько человек, привлеченные таким необычным призывом, подошли к нашему столику.

— Какой же это подарок на свадьбу? — неуверенно переспросила молодая девушка.

— Отличный! Можете купить подарок подороже и в него вложить лотерейный билет. Это сейчас очень модно! — Павел Иванович вынул из кармана замусоленную записную книжку, полистал ее и прочел: в Хабаровском крае поженились воспитательница детских яслей Людмила Гаврилина и слесарь Иван Ткаченко. В день свадьбы им подарили билет. У меня даже номер записан: 157, серия 24108. На него пал мотоцикл «Планета» стоимостью в 575 рублей. Вот и свадебное путешествие, не правда ли?

Видимо, у Павла Ивановича припасены такие примечательные истории на все случаи жизни, потому что, вручив девушке пять «самых счастливых» билетов, он порылся в книжечке и рассказал еще одну.

Это произошло в Карелии. Работница целлюлозного завода «Харлу» Л. Филюшина и ее три соседки по поселку: К. Кириллова, О. Акимова и З. Монова — купили в складчину сто билетов. Может быть, они мечтали о швейных машинах и коврах, о стиральных машинах и холодильниках, только судьба рассудила иначе: четыре подружки выиграли... автомобиль «Москвич». Павел Иванович не знает: то ли счастливицы предпочли получить выигрыш деньгами, то ли сообща отправились в автошколу учиться вождению автомобиля.

Беседу нашу прервал юноша в коротком пальто. Он подошел к нашему столику и сердечно поздоровался с Павлом Ивановичем.

— Здравствуй, Володя! Как идут занятия в институте?

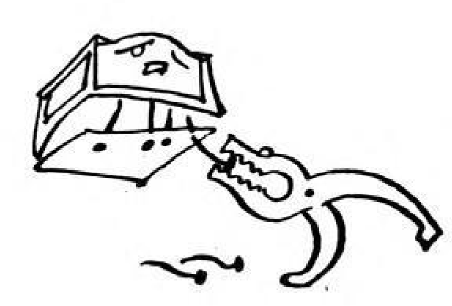
— Хорошо!

— Деньги те не растранжирил еще?

— Что вы! — Володя замахал руками.— Родители мне каждый месяц высылают тридцать рублей. На все годы учебы, пожалуй, хватит. Это с вашей легкой руки!

Ф. КРИВИН

Я щ и к

Вы, конечно, слышали о Ящике, о простом фанерном Ящике, который долгое время был у всех на посылках, а потом, испещренный со всех сторон адресами, настолько повысил свое образование, что его перевели в кладовку на должность главного кладовщика.

Работа, как говорят, непыльная. Правда, если приглядеться поближе, пыли в кладовке всегда хватало, но зато у Ящика здесь даже при полной темноте было настолько видное положение, что он сразу оказался в центре внимания. На полках, на окне, на столе и на табуретках — всюду у Ящика появились приятели.

И однажды Ящик, совершенно освоившись в новой компании, затянул свою любимую песню:

Когда я на почте
служил ящиком...

Все давно перешли на «ты», и ничего особенного, конечно, в том не было, что Клещи, отведя Ящик в сторонку, спросили у него совершенно по-дружески:

— Послушай, Ящик, у тебя не найдется лишнего гвоздика?

Нет, лишнего гвоздика у Ящика не было, но дружба — сами понимаете.

— Сколько надо? — щедро спросил Ящик.— Сейчас вытяну.

— Не беспокойся, мы сами вытянем...

— Сами? Зачем сами? Для друзей я...

Ящик тужился, пытаясь вытянуть из себя гвозди, но в конце концов Клещам все-таки пришлось вмешаться.

Когда я на почте...

— пел Ящик, развалясь посреди чулана. Он потерял половину гвоздей, но еще неплохо держался. Это отметили даже Плоскогубцы.

— Ты, брат, молодец! — сказали Плоскогубцы и добавили как бы между прочим:— Сообрази-ка для нас пару гвоздиков!

Еще бы! Чтобы молодец да не сообразил! Ящик сделал широкий жест, и Плоскогубцы вытащили из него последние гвозди.

— Ай да Ящик! Ну и друг! — восхищались чуланные приятели. И вдруг спохватились: — Собственно, почему Ящик? Никакого Ящика здесь нет.

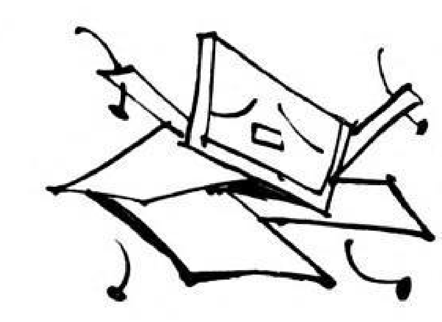
Да, Ящика больше не было. На полу лежали куски фанеры.

— Здорово он нас провел! — сказали Клещи.— Выдавал себя за Ящик, а мы и уши развесили...

— И помните? — съязвили Плоскогубцы.— «Когда я на почте служил ящиком...» Ручаемся, что это служил не он, да и не на почте, да и не ящиком, да и вообще нет такой песни.

Последние слова Плоскогубцев прозвучали особенно убедительно.

— Нет такой песни! — подхватили обитатели чулана.— Нет такой песни и никогда не было!

же людям!

Когда Володя ушел, я услышал интересную историю одного лотерейного билета. В конце лета, когда в вузах шли приемные экзамены, к столику Павла Ивановича подошел этот самый Володя и нехотя взял билет. Потом парень каждый день дважды проходил мимо Павла Ивановича и здоровался с ним, как со старым знакомым. Володя приехал из Смоленска и сдавал экзамены в медицинский институт. Павел Иванович, сам уже дедушка, привязался к юноше и, когда опубликовали таблицу выигрышей, велел Володе проверить, не оказался ли тот билет и в самом деле счастливым.

— Пока не узнаю, принят ли я в институт, проверять не буду,— сказал Володя.

Прошло уже много времени после тиража, а Володя все выдерживал характер. Однажды он примчался радостный, возбужденный.

— Принят! — весело крикнул он. — Завтра уезжаю домой, уже билет в кармане!

— А лотерейный? — всполошился Павел Иванович.

— Сейчас проверю.

Что тут рассказывать: Володя выиграл мотоцикл «Планета».

— Не бери мотоцикл, бери деньги,— уговаривал его Павел Иванович.— И родители рады будут, и тебе лучше: опасная это машина, господь с ней...

— Ладно.

— Тогда беги на Тверской бульвар, там отдел выдачи крупных выигрышей. Ой, боюсь, не успеешь получить деньги. Пока билет проверят, пока выпишут деньги... А тебе уезжать. Ишь, довел до последней минуты! Ну, беги, беги, не теряй времени...

По дороге на вокзал Володя заглянул на станцию метро, где сидит Павел Иванович, и обрадовал старика: деньги успел получить. Теперь Володя каждый месяц со стипендии покупает лотерейный билет. Но пока фортуна его больше не балует.

Просидев с Павлом Ивановичем три дня, я, как мне кажется, неплохо освоил профессию продавца лотерейных билетов. Временами он даже оставлял меня одного. Я неистово вертел барабан и призывал покупать самые счастливые билеты.

Потом, по совету Павла Ивановича, я направился на Тверской бульвар, где в большом банковском доме находится отдел выдачи крупных выигрышей денежно-вещевой лотереи. Я попал туда в те минуты, когда там спешно оформлялся крупный выигрыш — пианино. Счастливец приехал из подмосковного города Электростали. Я знаю, что он живет на проспекте Ленина, записал его фамилию, но назвать ее не могу: не успел получить его разрешения.

— Я должен увезти пианино сегодня же,— убеждал он сотрудников отдела.

— Но почему такая спешка? Получите через несколько дней.

— Что вы! Невозможно: завтра день рождения дочери, это ей подарок. Подумайте, какая удача!

Ему пошли навстречу, и пианино появилось в доме за несколько часов до прихода гостей.

Если от автомобилей и мотоциклов кое-кто и отказывается, предпочитая получить выигрыш деньгами, то с пианино этого, как правило, не случается. Такова примета нашего времени. Среди счастливцев, выигравших пианино, я встретил костромского школьника Александра Сорокина, куйбышевскую школьницу Лиду Морозову. Что ж, теперь сама судьба вывела их на музыкальную стезю. Но особенно обрадовался своей удаче калининградский рыбак Николай Липин. Две его дочери, Светлана и Наташа, занимаются по классу фортепьяно при Светлогорском доме культуры, и именно им досталось пианино!

БА ТИНЫ

Эта картина вышла из-под кисти Валентина Александровича Серова. Она висит в музее, однако ее знают гораздо меньше, чем другие работы замечательного художника. А судьба у этого полотна несколько необычна: оно едва не погибло.

Речь идет о картине «Орловский рысак Летучий».

Валентин Александрович Серов, как известно, очень любил рисовать лошадей. Помните его трех жеребят из поэтичной картины «Стригуны»? Или море, лошадь и загорелого мальчика в «Купанье лошади»? Или один из самых волнующих серовских пейзажей — «Осень», где пасутся лошади и овцы?

«Рысак Летучий» написан с большим мастерством и любовью. Рысак на холсте, как живой. Настороженно подняты уши, в больших, влажных, с лиловатым отливом глазах — огонь горячей, строптивой натуры. Один из критиков, современник В. А. Серова, писал о картине: «Я не знаю другого лошадиного портрета, написанного с такой силой, яркостью и знанием форм».

Этот холст находился в Прилепах, под Тулой, у коллекционера, страстного любителя лошадей Я. И. Бутовича. К нему нередко приезжали художники, чтобы познакомиться с картинами, посмотреть рысаков, сделать наброски для будущих картин. В декабре 1913 года у Бутовича гостил художник Николай Семенович Самокиш. Приближался Новый год. Самокиш хотел было к празднику возвратиться домой, но Бутович уговорил его остаться. И вот наступило 31 декабря. Праздничное веселье продолжалось до двух часов ночи. Потом все разошлись. Николай Семенович уснул и вдруг был разбужен стуком в дверь: «Пожар! Вставайте скорей!»

Оказывается, когда все уснули, сторож заметил дым, который шел из ванной. Хотя тревога была поднята вовремя, огонь быстро распространялся.

Самокиш накинул халат, выбежал в коридор. Бутович давал распоряжения: где и что спасать. Конечно, в первую очередь спасали ценности, имущество, переписку с коннозаводчиками.

— А картины? А Серов? — спросил Самокиш.

Но Бутович его не слышал.

Тогда Николай Семенович бросился в зал, где висело полотно В. А. Серова. Здесь уже стлался густой дым. Самокиш снял холст, выбил окно и с картиной выбрался из горящего дома.

Уцелевшие после пожара картины, и среди них «Орловский рысак Летучий», находились в Прилепах, где был создан музей, директором которого был Бутович. В 1928 году Бутович передал свою коллекцию в Москву. С тех пор картина В. А. Серова неизменно находится в Музее коневодства при Сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева.

В. РУДИМ

Фото Г. Санько.

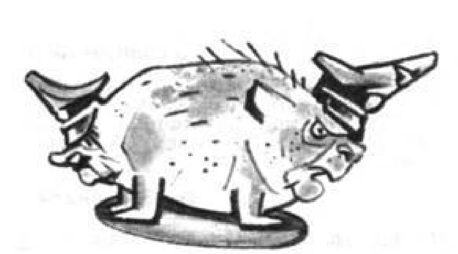
Смех убивает

Из воспоминаний художника-сатирика.

В 1942 году по приглашению командования одной дивизии я прибыл на фронт. Теперь можно раскрыть военную тайну расположения этой дивизии — она находилась под Ленинградом, на станции Песочная. Там я нарисовал размером 3×4 метра несколько карикатур на Гитлера, Геринга, Геббельса. Эти рисунки были выставлены на переднем крае. Противник стал стрелять по ним из орудий и минометов. Осколки причинили мало вреда плакатам, нарисованным на марле. Тогда разъяренные фашисты попытались подползти к рисункам. Точными выстрелами наши снайперы уничтожили одиннадцать гитлеровцев. Это случай, когда выражение «смех убивает» можно понять в буквальном смысле!

Вот три эскиза тех рисунков.

Владимир ГАЛЬБА

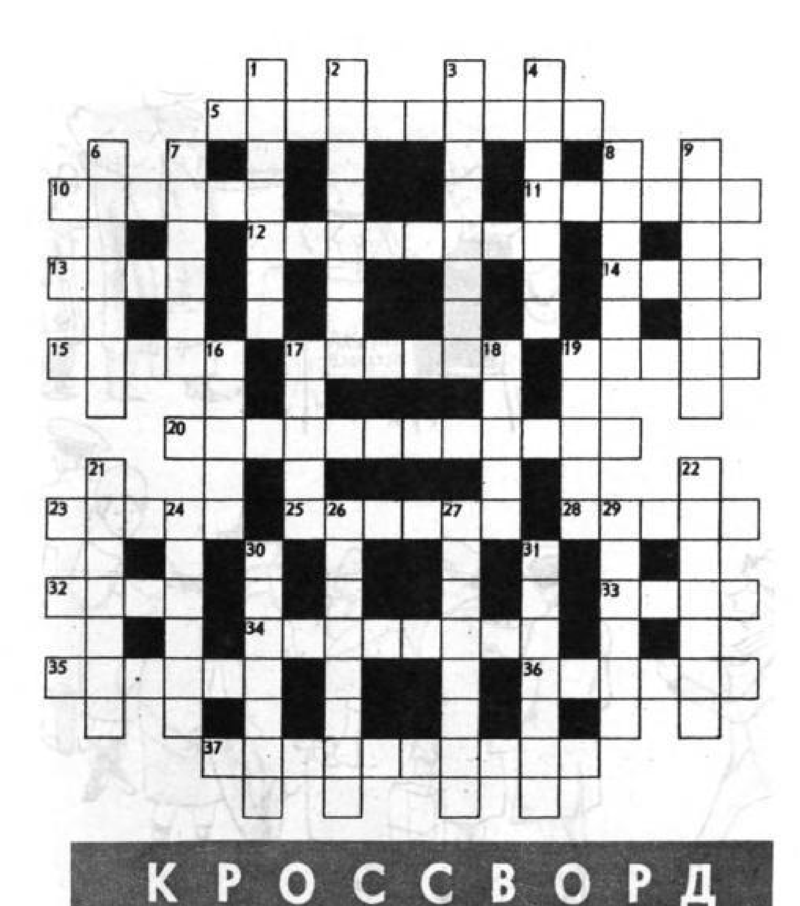

Где начинается Гитлер и кончается Геринг.

Гиммлер.

Первый слева — министр пропаганды Геббельс.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Советский композитор. 10. Итальянский живописец, ученик Рафаэля. 11. Скульптурное изображение на плоскости. 12. Безногая ящерица. 13. Единица измерения силы. 14. Короткая конская рысь. 15. Болотная птица. 17. Созвездие южного неба. 19. Остров в Эгейском море. 20. Шахматист высшей квалификации. 23. Городошная фигура. 25. Определенный круг ролей. 28. Создатель произведения, проекта. 32. Часть колеса. 33. Стоянка полевых бригад. 34. Приспособление для прыжков. 35. Мастерская живописца, скульптора. 36. Химический элемент. 37. Опера Ю. А. Шапорина.

По вертикали:

1. Породообразующий минерал. 2. Курорт в Калининградской области. 3. Повесть А. И. Куприна. 4. Водоразборная колонка. 6. Высокомолекулярное соединение. 7. Пустыня в Африке. 8. Рыба семейства карповых. 9. Судно специального назначения. 16. Ткань для подкладки. 17. Скошенный край картона, стекла. 18. Хвойное дерево. 19. Театральные подмостки. 21. День недели. 22. Исследователь Центральной Азии. 24. Волокнистая часть пеньки, льна. 26. Французский писатель. 27. Чертежный инструмент. 29. Одно из трех измерений. 30. Приток Днепра. 31. Древнерусское название эмали.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 4

По горизонтали:

5. Бардин. 6. Картон. 10. Иллюзионист. 11. Белая. 13. Атлас. 15. «Айвенго». 16. Арбуз. 18. Танец. 20. Книга. 22. Дейнека. 23. Перелог. 25. Афиша. 26. Бивак. 28. Басня. 30. Андорра. 32. Какао. 34. Сквер. 35. Стерлитамак. 36. Фуксия. 37. Гавань.

По вертикали:

1. Ласкер. 2. Линия. 3. Лапта. 4. Роллан. 7. Алмаз. 8. Никелин. 9. Пилот. 12. Агротехника. 14. Треугольник. 17. Уреньга. 19. Антенна. 20. Кукша. 21. Анета. 24. Линотип. 27. Камея. 28. Барма. 29. Тайфун. 31. Чехонь. 33. Осмий. 34. Склад.

На последней странице обложки: ленинградские силуэты.
Фото Н. Ананьева и Л. Бородулина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются. Оформление А. Ковалева.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00610. Подписано к печати 22/I 1964 г.
Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л.
Тираж 1 950 000. Изд. № 6. Заказ № 77.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

КОТ-РЫБОЛОВ

Этого кота зовут Бывалый. Он часто ходит на рыбалку за полтора километра от родной деревни. Такой дальний путь Бывалый совершает не зря: здесь река поглубже и рыбы побольше.

— Ловись рыбка большая и маленькая,— тихо мурлычет Бывалый, сидя над лункой.

За этим занятием я его и сфотографировал.

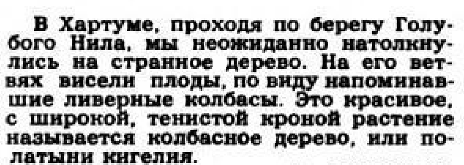
Г. СИКАЧИНСКИЙ

КОЛБАСА РАСТЕТ НА ДЕРЕВЕ

В Хартуме, проходя по берегу Голубого Нила, мы неожиданно натолкнулись на странное дерево. На его ветвях висели плоды, по виду напоминавшие ливерные колбасы. Это красивое, с широкой, тенистой кроной растение называется колбасное дерево, или по-латыни кигелия.

Н. СУШКИНА,
профессор, доктор биологических наук

ПРИЕМНЫЙ «СЫН»

Пэтти, обезьянка из зоопарка города Сейнт Питерсберг (штат Флорида, США), «усыновила» крошечного белого мышонка, как-то случайно забежавшего к ней в клетку. Все попытки сторожей отнять у обезьянки приемыша остались тщетными. Пэтти прижимала его к своей груди и упорно сопротивлялась. С тех пор она ведет себя как заботливая и нежная мамаша: делится с мышонком пищей, ищет у него блох, играет с ним и укладывает на ночь спать в углу клетки.

КОСМОС В МИНИАТЮРЕ

Надписи на всех этих марках начинаются со слова «первый». Первый искусственный спутник Земли, первый вымпел на Луне, первый снимок обратной стороны Луны, первый человек в космосе, первый групповой полет в космосе, первая женщина-космонавт — все эти этапы освоения космического пространства нашли отображение в новой серии почтовых марок.

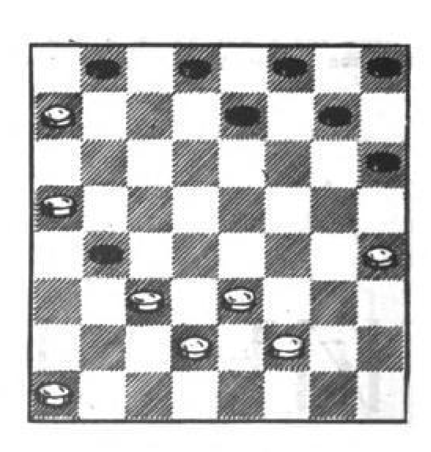
М. МИЛЬКИН

ШАШКИ
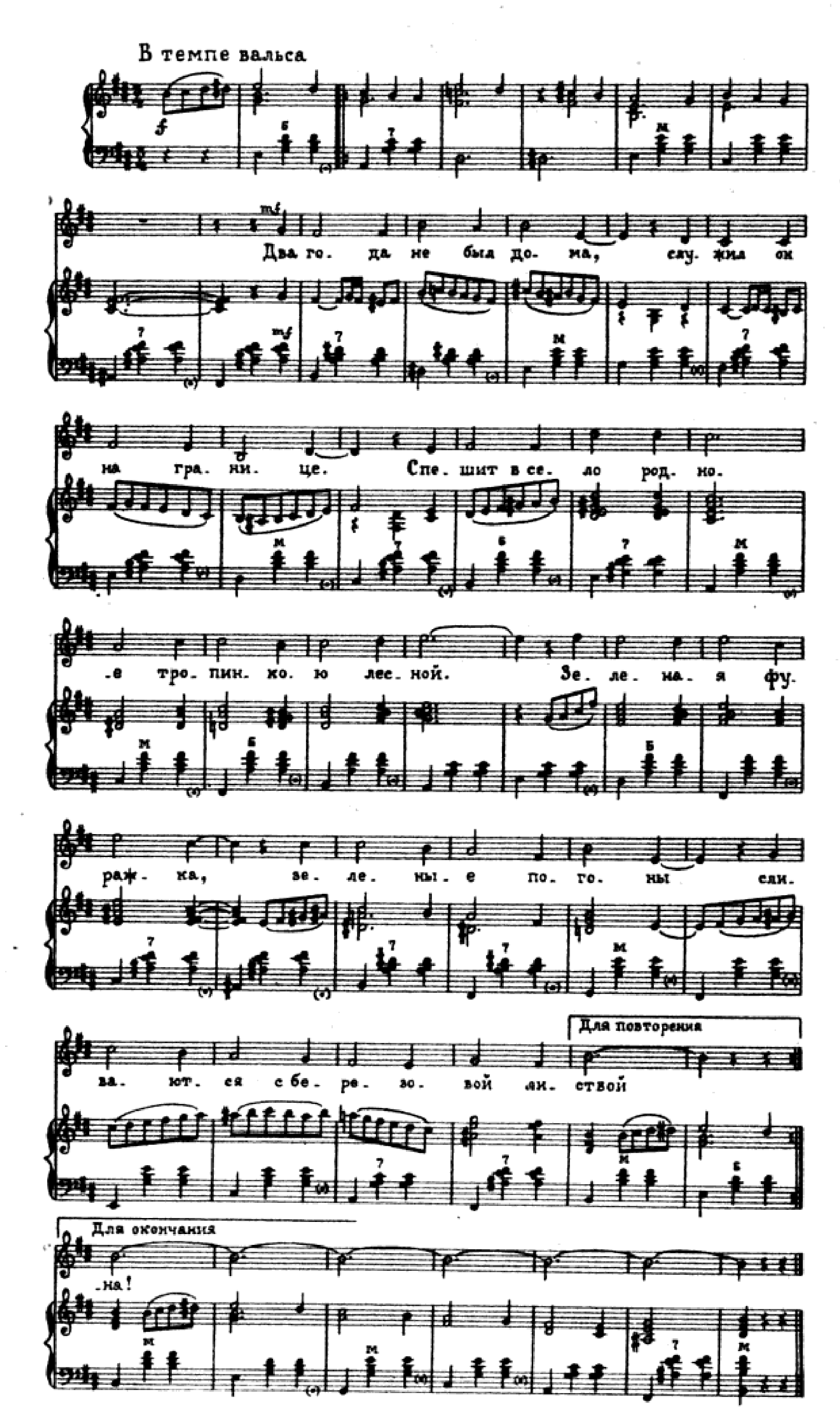
Под редакцией мастера Г. Я. ТОРЧИНСКОГО.

В. СЫСОЕВ (Витебск)

Белые начинают и выигрывают.

Решение концовки Л. Шехмейстера, помещенной в № 52 «Огонька» 1. b2—a3 h8—g7 (Если 1... b4—c3, то 2. e3—d4 g5 : e3 3. d4 : b2 и черные остаются без шашки. На 1... b6—a5 следует 2. f2—g3! h4 : f6 3. e1—f2 и выигрывают. Не спасают и другие ходы) 2. e3—d4!! g5 : e3 3. e1—d2! e3 : c1 4. h2—g3! c5 : e3 5. f2 : d4 h4 : f2 6. g1 : e3 c1 : d6 7. a3 : e7 f8 : d6 8. h6 : a7 и выигрывают.

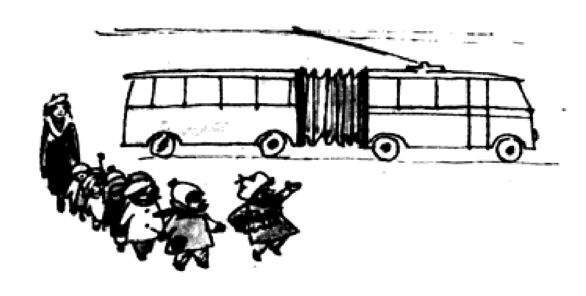
Музыка А. АВЕРКИНА. Слова И. ЛАШКОВА и П. ЧЕРНЯЕВА.

Два года не был дома.
Служил он на границе.
Спешит в село родное
Тропинкою лесной.
Зеленая фуражка,
Зеленые погоны
Сливаются с березовой листвой.

Пшеничные колосья
Его встречают в поле,
Как будто улыбаясь,
Кивают земляку.
Зеленую фуражку,
Зеленые погоны
Заметили девчата на току.

Одна из них сказала:
— Иди, орел, на помощь!..
И часто видел вместе
С тех пор колхозный ток
Зеленую фуражку,
Зеленые погоны,
А рядом чей-то девичий платок.

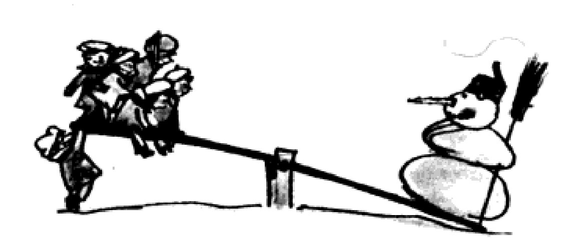
Когда уехал воин
На дальнюю границу,
Девчонка загрустила,
Совсем лишилась сна.
Зеленая фуражка,
Зеленые погоны,
Ах, что же ты наделал,
старшина!

— Эх, мне бы такую гармошку!

ДЕТСКИЙ САД НА ПРОГУЛКЕ

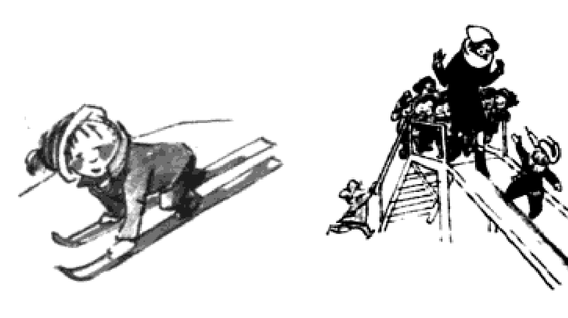
Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Кто кого?

— Раз, два, три, четыре, пять — я иду искать...

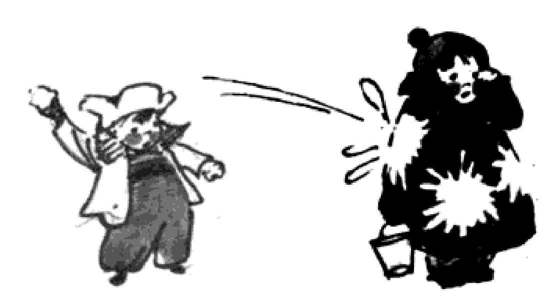

Лыжная вылазка.

Лиха беда — начало.

Первые знаки «мужского» внимания.

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663

215